

18+

ТАТЬЯНА ЛЕНШИНА

Против течения

КНИГА ПЕРВАЯ

Татьяна Леншина

Против течения. Книга первая

«Издательские решения»

Леншина Т.

Против течения. Книга первая / Т. Леншина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986014-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Может ли прошлое человека предопределить будущее, или оно определяется решимостью личности что-то изменить в своей жизни? Плыть по течению, живя той жизнью, которой все живут, или плыть против течения, сопротивляясь ему? Что делает человека сильнее и выносливее — успех или неудачи? Ответы на вопросы читатель найдет, прочтя невыдуманные истории о жизни нескольких поколений простой русской семьи. В ряде случаев по этическим соображениям имена людей, сыгравших в жизни героев особую роль, изменены.

ISBN 978-5-44-986014-9

© Леншина Т.
© Издательские решения

Содержание

История первая.	6
Отголоски военных лет	6
ППЖ	11
Бархатный альбом	16
Бабка Анна	19
Лишний рот	34
В детдоме	38
Юность комсомольская моя...	47
Долгожданная любовь	50
История вторая.	54
Мать и отец	54
Большаки	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Против течения Книга первая

Татьяна Леншина

© Татьяна Леншина, 2020

ISBN 978-5-4498-6014-9 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-6015-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История первая.

Люся

Отголоски военных лет

Город Колодрив, 2019 г.

Русоволосая, хрупкая миловидная девушка сидела на выбеленных водой и солнцем деревянных мостках портомойки, опустив босые ноги в теплую речную воду. Девушку звали Люся, и ей едва исполнилось семнадцать лет. Она задумчиво смотрела на маленьких серебристых рыбок, резвящихся на мелководье. Течение, едва заметное у берега, но стремительное и сильное на середине, несло воды реки в какие-то неведомые дали, где была другая, неизвестная Люсе жизнь. Девушке стало тоскливо от мысли, что совсем скоро она станет частичкой этой пока незнакомой и чужой для нее жизни. Что ждет ее там, куда так стремительно несет свои воды река? Недавнее детство мелькало перед нею чередой ярких и пестрых картинок, из которых воображение вдруг выхватило образ мамы. Вспомнился день, когда она впервые в своей жизни увидела ее. Люсе исполнилось в тот год одиннадцать лет. Жила она в детдоме.

Городок Колодрив, где находился детский дом, был старинный, маленький и патриархальный. Когда-то давным-давно земли, где позднее появилось это поселение, заселяли финно-угорские племена меря. В 16-м веке московский князь Василий III приказал срубить пограничную крепость с насыпными земляными валами. В указе о строительстве этой крепости говорилось: «Чтобы вы город поставили своими сохами¹ и рвы покопали, и городской бой, и камение и колье на город приготовили и сторожки бы у вас были крепкие, а как вести будут от казанских людей и вы б были все в городе за крепостями, жили у башен...». Так построили предки-славяне на берегу реки Унжи город-крепость, защищавший эти края от опустошительных татарско-черемисских набегов. Но лучше всякой крепости оберегали жителей тех мест от врагов бескрайние леса, непроходимые топи да болота. Царица Екатерина пожаловала старинному

¹ Силами.

поселению герб и статус уездного города. По данным переписи 1897 года в уезде проживало 109 575 человек. А в самом городке – 2 565.

Тихой и неброской красотой был отличен Кологрив от прочих поселений Костромской губернии. Местные дворяне и купцы-благотворители, будучи людьми весьма религиозными, выделяли щедрой рукой средства и на строительство храмов, и на украшение их иконами и настенной живописью, и на приобретение необходимой церковной утвари.

Пять каменных церквей поигрывали на солнышке золотыми маковками куполов, увенчанных крестами. Еще издали, подъезжая к городку, путники видели ослепительно белый Успенских храм, будто парящий над лесом. Он казался миражом, неизменно привлекая взор путника, до тех пор, пока не покажутся домики городской окраины.

На узких городских улочках, мощенных камнем и сбегавших веерообразно к реке Унже, красовались двухэтажные купеческие и дворянские особнячки, затейливо украшенные кружевом резьбы и ковки. В редком окошке не видел прохожий излюбленный цветок местных домохозяек фикус, расправивший на солнышке глянцевые листья, или цветущую пышным цветом ярко-красную герань в простом горшке.

Весной, по утрам хоры ворон и грачей, свивших свои гнезда среди верхушек деревьев, будили жителей городка звонкими, трубными голосами: «Крра-крра!». Летом тихие улочки и переулки утопали в зелени раскидистых лип, белоствольных берез, кустов сирени и акации, выглядывавших из-за деревянного штaketника палисадников. Возле заборов порхались в нагретом солнышком песке куры, в тени кустов, высунув розовые языки и вытянув лапы, лежали дворняги, лениво урча на редких прохожих.

После революции 17-го года жизнь в городке потекла по другим законам. Дворянство и купечество ликвидировали как враждебный класс: кого-то расстреляли, кого-то сослали в лагерь. Крестьянство тоже коснулась волна революционных перемен. Появились колхозы, в которые, «хоть ты того или не хощь», приходилось вступать крестьянам-единоличникам. Храмы разрушили. Купеческие и дворянские особнячки национализировали.

В 50-х годах в одном из двухэтажных домов купца-лесопромышленника Мины Звонова, который он пожертвовал когда-то под богадельню, разместила Советская власть детский дом для сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Со всех ближайших населенных мест свозили в детский дом обездоленных детей, чье детство пришлось на тяжелые послевоенные годы. Детский дом носил имя вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина и являлся домом школьного типа. Все воспитанники посещали школу и могли проживать в нем до 18-летнего возраста.

Люся вспомнила, как в один из зимних дней школьных каникул она вместе с другими девочками сидела в швейной мастерской, где они учились шить, вязать, вышивать и прочим хитростям рукоделия.

В кружке рукоделия. Люся первая слева.

За окнами трещал тридцатиградусный мороз, и поэтому на улицу их не пускали, чего доброго отморозят себе щеки или нос. В комнате было тепло от жарко натопленной печки. Обычно веселые и болтливые девчонки сидели тихо. Их внимание было приковано к вышивке. Рисунок требовал точности, нужно было внимательно считать крестики, чтобы не испортить узор.

В коридоре послышался мерный стук, дверь отворилась, и в комнату вошел, прихрамывая, всеми любимый детдомовский воспитатель Константин Михайлович. Вид у него был весьма необычный. К культе правой ноги, ампутированной в госпитале во время войны, был пристегнут скрипучими кожаными ремнями деревянный протез. меховая жилетка, надетая поверх гимнастерки, туго облегла его крупную, тяжелую фигуру.

– Еще бы попугая ему на плечо, и вылитый пират, – обсуждая его внешний вид, беззлобно смеялись детдомовские девчонки.

Лицо у него скуластое и суровое, но это только на первый взгляд. Расплывется по нему добродушная улыбка и покажет заметную прореху между двумя передними зубами. Но изъян этот вовсе не портит лицо Константина Михайловича, а напротив, показывает добрую натуру с широкой душой.

Побросав пяльцы, девчонки повскакивали с лавок и буквально повисли на нем с радостными возгласами. Каждой хотелось внимания, заботы и человеческого тепла, а Константин Михайлович относился к ним по-отечески строго и ласково одновременно.

– Да вы же с ног меня собьете, – обнимая девчонок, насколько хватало рук, смеялся воспитатель. – Несите стул скорее, а то как же я устою на одной-то ноге перед такими красавицами, – шутил папа Костя (так звали его ребята между собой за манеру называть детдомовцев дочками и сынками).

Воспитатель уселся на заскрипевший под тяжестью его литого тела стул, который тут же плотным кольцом окружили девчонки.

– А ну, покажите-ка свое рукоделие, – обратился к воспитанницам Константин Михайлович.

Девчонки, говоря наперебой, стали показывать вышивки.

– Константин Михайлович, у меня посмотрите салфетку. Я гладью научилась вышивать.

– А я крестиком подушку-думку вышиваю. Красиво?

– Смотрите, Константин Михайлович, у меня здесь вот ромашки будут, а по краям васильки. А сейчас я мережку делаю.

– Ишь ты, затейно-то как! Ну, девчата, на все руки от скуки, – радовался папа Костя, что так ловко и складно выходят узоры. Оторвавшись от рукоделия, он обвел глазами девчонок и, остановив свой взгляд на Люсе, сказал, обращаясь к ней:

– Люся, а я за тобой, доча. Идем со мной. Анна Дмитриевна тебя вызывает.

В комнате стало тихо. Анна Дмитриевна, директор детского дома вызывала к себе в кабинет самых отъявленных хулиганов или нарушителей дисциплины. Люся не относилась к их числу. Она была девочкой спокойной и скромной. Про таких, как она, говорят – мухи не обидит.

Поэтому слова папы Кости повергли всех в смятение. Воспитанницы стали возвращаться на свои места. Они недоуменно переглядывались и обменивались многозначительными взглядами, пожимая плечами, что на языке мимики и жестов означало «не знаю». Люся смотрела на воспитателя испуганно и растерянно.

– Да ты не пугайся, доча, все хорошо, – сказал папа Костя, по-доброму улыбнувшись, и накрыл Люсину голову своей широкой ладонью.

Девочка, робея, вошла вслед за папой Костей в кабинет директора, где за массивным письменным столом восседала дама средних лет. Звали ее Анна Дмитриевна, а детдомовцы, острые на язык, прозвали ее Снежной королевой. И, правда, ее отличало стремление к безупречности во всем: и застегнутая на все пуговицы белоснежная блузка, и волнистые волосы, искусно уложенные в прическу, и тонкая талия, всегда подчеркнутая узким кожаным ремешком. Достаточно было одного ее взгляда, одного слова, чтобы фразы, тщательно обдуманные каким-нибудь юным нарушителем дисциплины в свое оправдание, улетучились у него из головы.

Люся держала за руку папу Костю, ощущая тепло его ладони. Он, будто чувствуя смятение девочки, слегка сжал маленькую, вспотевшую ладошку, словно подбадривая и говоря: «Не бойся».

– Здравствуйте, – робко, почти шепотом, сказала воспитанница.

– Здравствуй, Люся, – обратилась к девочке строгая директриса, – к тебе гости. Вот, познакомься – это твоя мама, Мария Ивановна. Ты с ней пообщайся, а мы с Константином Михайловичем оставим вас вдвоем.

Эти слова поразили девочку, они прозвучали как гром среди ясного неба. Люся, повернув голову в направлении указующего жеста руки директрисы, увидела женщину, одиноко сидящую на краешке дивана. Девочка стояла посреди кабинета и широко распахнутыми глазами смотрела на женщину. Красивое лицо окружал ореол коротко-стриженных медно-рыжих волос, в которых легкой едва заметной паутинкой проблескивала седина. Пристальный и бесстрастный взгляд серо-зеленых глаз. Капельки пота на лбу и кончике носа.

– Ну, что же ты Люся, – вдруг заговорила женщина. – Подойди ко мне, не бойся.

Подталкиваемая в спину жесткой рукой директрисы, Люся сделала несколько робких, нерешительных шагов и замерла, уставившись в пол. Когда дверь за директрисой закрылась, женщина взяла ее за руку и с усилием притянула к себе. Люся повиновалась, чувствуя себя

тряпичной куклой в ее сильных руках. Женщина внимательно вглядывалась в черты Люсиного лица.

– Так вот ты какая, моя дочь, – произнесла она срывающимся с хрипотцой голосом. – Глаза отца, а какие чудесные косы у тебя. Вшей нет? За вами тут хорошо смотрят? Бабушка навещает?

Не получив ответа ни на один из вопросов, женщина снова заговорила:

– Злишься? Правильно делаешь. Я бы тоже злилась, будь я на твоём месте. Отца твоего я любила. Он был хороший человек... Врач... Если бы не война... Ты меня прости, дочь. Прости... Станешь старше, все поймешь. Может быть все и образуется. Ты подожди, я устроюсь и заберу тебя отсюда.

Люся вдруг почувствовала всем своим естеством, что сейчас снова потеряет ту, о которой она столько думала, представляя эту встречу. Она прижалась всем своим худеньким телом к маме, вдохнула терпкий запах ее тела и, с громкими всхлипами, разрыдалась.

В этот момент в кабинет вошла директриса, сопровождаемая Константином Михайловичем.

– Ну, ну, Люся, успокойся, – она с усилием разжала руки девочки, оттесняя ее в сторону воспитателя. – Все, все, маме пора уезжать. Ее на работе ждут. Уходите уже, – обратилась она к Марии, замершей в каком-то оцепенении.

Та, очнувшись от глубокого внутреннего раздумья, пошла к двери, решительным жестом взялась за медную старинную ручку, обернулась, и, обращаясь к дочери, сказала:

– Люся, я тут тебе гостинцы привезла и альбом для фотографий. Угости ребят. А в альбом вставляй свои фотокарточки. Когда-нибудь будем вместе их смотреть, и ты мне обо всем расскажешь, дочь.

ШЖ

Девушки и женщины из деревни Судилово в предвоенные годы.

Мария ехала на станцию в кабине грузовика. Дорога петляла, огибая выступающие лесные заросли, чередовавшиеся с открытыми пространствами колхозных полей. Путь до станции был неблизким, верст семьдесят с гаком. День выдался морозный, солнечный, пробрасывал мелкий снежок. По наезженной зимней дороге ехали споро. Водитель попался болтливый и любопытный.

– Ты к кому приезжала, молодуха? – с нескрываемым любопытством поинтересовался он.

– Тебе-то что за дело, – буркнула Мария. – Ты на дорогу смотри лучше, а не то с деревом или столбом поцелуемся.

Подняв воротник, она закрыла глаза и сделала вид, что задремала, глубоко засунув озябшие руки в рукава овчинного полушубка. Мария представила лицо дочери. Сердце сжалось от боли.

– Так будет лучше... Так будет лучше, – словно чей-то посторонний голос твердил ей одну и ту же фразу.

Родом Мария Григорьева была из деревни Судилово, расположенной близ райцентра, где находился детдом. Деревенька раскинулась на высоком холме, под которым протекала быстрая и местами глубоководная речка Алексинка. Весной ее берега тонули в белопенном цвете черемухи. По субботним, банным дням их затягивал сизый, похожий на туман, дым из топящихся «по-черному» бань, в которые деревенские бабы на коромыслах носили из речки хрустально-чистую воду.

Мария вспомнила родительский дом под развесистой черемухой, в котором их семья жила до войны. В памяти возникли образы матери, отца, младшей сестренки Наташки. Она вспомнила, как родные радовались, когда, окончив школу и успешно сдав экзамены, Мария

поступила в медицинское училище. Эх, если бы знала она тогда, каким боком ей выйдет учеба, пошла бы лучше на зоотехника или агронома учиться. Но ей грезилось, как будет она ходить в белоснежном халатике между больничных коек, ставить уколы, ответственно выполнять назначения врачей, а, может быть, даже ассистировать во время операций какому-нибудь молодому талантливому хирургу, недавно закончившему медицинский институт и приехавшему в их городок по распределению.

До войны жизнь в районном центре была ключом. На территории района проживало около 30 тысяч человек, располагалось 238 деревень, их объединяли 20 сельских советов и 116 колхозов, действовало 10 промышленных предприятий: молокозавод, леспромхоз, промкомбинат, гончарная артель, стройбаза, кирпичный завод, сплавконтора и другие.

Война грянула неожиданно-негаданно. 22 июня 1941 года Президиум Верховного Совета СССР своим указом объявил мобилизацию военнообязанных на территориях всех военных округов Советского Союза. Первым днем мобилизации назначалось 23 июня. Всего за июнь и июль 1941 года была проведена всеобщая и полная мобилизация мужчин и частичная – женщин. Мария как военнообязанная была призвана в армию районным военкоматом 25 июля 1941 г.

Зябко кутаясь в воротник полушубка в холодной кабине грузовика, увозившего ее все дальше и дальше от родных мест, она вспоминала, как мать в голос причитала, отрезая ее пышную медно-рыжую косу, как плача, обнимались они с сестренкой, прощаясь во дворе военкомата. Мать, кончиком платка утирая слезы, совала в руки узелок с пирогами-картофниками, вареными яйцами и хлебом.

– Манюшка, я твой крестильный крестик принесла, надень его, андел мой, – просила мать. Та, хоть и была комсомолкой, но не стала спорить и, наклонив голову, позволила матери надеть на свою шею серебряный крестик на льняной крученой нитке.

Мария попала в передвижной полевой госпиталь (ППГ) армейского подчинения. Фронт был совсем рядом, примерно в тридцати километрах. С утра до вечера с передовой доносился глухой грохот канонады, шли оборонительные бои. Раненых бойцов непрерывно подвозили на подводах и грузовиках, многие раненые шли самоходом. Передвижная операционная размещалась под пологом просторной брезентовой палатки, внутри которой стояло несколько столов: операционный, перевязочный и стол, на котором тяжелораненых готовили к операции.

Раненых было столько, что их оперировали днем и ночью, иногда не отходя от операционного стола более суток. На одну медсестру и санитарку приходилось до ста раненых в сутки. Наспех забинтованные, осунувшиеся, обросшие щетиной, они сидели на земле, возле палатки, где шли операции. Прислонясь к стволам деревьев, раненые ожидали врачебного осмотра и перевязок. Тяжелораненые лежали на подстилках из елового лапника. В первую очередь оперировали тяжелораненых. Некоторые из них не могли сдерживать приступы невыносимой боли и начинали кричать. Это были крики отчаяния сжигаемого страданиями тела. Очередного тяжелораненого переносили на хирургический стол. Хирурги извлекали пули, осколки, ампутировали конечности.

Сбылась девичья мечта Марии ассистировать во время операций хирургу. Звали его Леншин Николай Михайлович. Худощавый, лицо с высоким лбом, прорезанным поперечной морщинкой между сдвинутых на переносице бровей, серые глаза с припухшими от бессонницы веками. Он казался Марии снисходительным, строгим и временами даже высокомерным. Но постепенно Мария научилась понимать его по одному только взгляду, когда вся остальная часть лица была закрыта марлевой повязкой во время операции. Она быстро, без дополнительных объяснений выполняла его немногословные распоряжения и команды.

Операционный конвейер работал без остановок. Мария только и слышала: «Скорей! Быстрей!» И опять – «Скорей! Быстрей!». Прооперированного переносили на другой стол – перевязочный.

Медсестры накладывали повязку, и санитары на носилках уносили его в соседнюю палатку, где прооперированные ждали своей отправки в тыл на санитарном самолете.

– Откуда же брались силы тогда? – думала она и отвечала сама себе. – Молодые были, сильные. Ненавидели фашистов. Хотели помочь любимой Родине, верили в Сталина и в победу...

Во время коротких перерывов между операциями хирург и операционные медсестры выходили из палатки на несколько минут подышать свежим воздухом. Мария, щурясь от яркого дневного света, смотрела, как он моет руки, звеня носиком рукомойника, приколотого к стволу березы. Глядя на его ссутулившуюся спину с завязками на халате, она видела, как устало обвисали в этот момент его плечи. Он подходил к дереву, стоял, привалившись спиной к его стволу, подняв руки и закрыв глаза, то ли дремал, то ли о чем-то думал.

В один из коротких перерывов Мария встала рядом с ним с противоположной стороны дерева, прильнув щекой к его шершавой коре. Она устала так, что в глазах темнело. В какой-то момент она почувствовала, что ничего не видит, ощутила непривычную пустоту в голове, резкую слабость во всем теле, в ушах зазвенело.

Открыв глаза, Мария увидела его усталое, внимательное лицо, склонившееся над ней.

– Очнулась, Маша, вот и славно, – с непривычными нотками тревожной обеспокоенности в голосе сказал он, поддерживая ее голову.

– Что со мной? – спросила Мария и повела вокруг ничего не понимающим взглядом. Она не помнила, как упала вниз лицом, ударившись о корягу, торчавшую из земли; как он, словно пушинку подняв ее, перенес в перевязочную. Мария привстала с перевязочного стола, пытаясь прикрыть оголившиеся колени полой халата.

– Ты потеряла сознание. Отдохнуть тебе нужно часика два, Маша. Но сначала придется потерпеть. Я тебе швы наложу. Ты бровь сильно рассекла.

Через час она снова стояла у операционного стола. После случившегося Мария неожиданно для себя затосковала. Несмотря на нечеловеческую усталость, в короткие часы отдыха, она долго не могла заснуть, ворочалась на застеленном брезентом еловом лапнике, зябко кутаясь в шинель и стараясь убедить себя в том, что они безразличны друг другу.

– Что со мной такое происходит? – думала она. – Он не проявляет ко мне никакого интереса. К тому же женат, есть дочь. Так зачем же я постоянно думаю о нем, тоскую?

В конце концов, Мария сама себе создалась, что любит его без памяти, скажи он ей слово, и она пошла бы за ним куда угодно.

Отступая вместе с армией, медсанбат постоянно менял места дислокации. Едва госпиталь разворачивался на новом месте, как сразу же начинали поступать первые партии раненых. Однажды случилось то, чего она и боялась, и ждала одновременно. Один молоденький лейтенант, на вид лет девятнадцати стонал и бредил после тяжелой операции. Дежурный врач сказал Марии, что эвакуировать его не будут.

– Не дотянет до утра, – кивнув в сторону лейтенанта, сказал он.

Лейтенант лежал на брезентовых носилках, закрыв глаза, и тяжело дышал. Мария тихонько присела на корточки, и махнула рукой, отгоняя гнус, лепящийся к нему. Девушка, уже привыкшая к смерти, но все еще не лишенная сострадания, с жалостью смотрела на безусое мальчишеское лицо.

– Совсем еще ребенок, – с горечью подумала она и тыльной стороной ладони потрогала его горячий лоб.

Паренек приоткрыл глаза.

– Не уходи, – тихо попросил он, облизывая запекшиеся губы, и как-то светло, по-детски улыбнулся.

Мария молча присела на траву возле носилок. Его вопрос застал девушку врасплох.

– Слушай, а ты хоть пробовала? – вдруг тихо, почти шепотом, произнес он.

– Что? – не поняла Мария.

– Пробовала любить? Ну, это... с мужчиной ты была?

– Нет, – испуганно и тоже шепотом ответила она и почувствовала, как маковый румянец опалил щеки.

– И я тоже еще не пробовал. Вот умру и не узнаю, что такое любовь, – глубоко вздохнув, сказал лейтенант и устало закрыл глаза. По тому, как участилось и стало прерывистым его дыхание, Мария с ужасом поняла, что он уходит из жизни.

– Что ты? Что ты? – срывающимся голосом говорила она, словно уговаривая лейтенанта, а сама старалась сдержать подступившие слезы. – Нет, нет, разве можно тебе сейчас умирать... Надо жить, бить фашистов, – убеждала она, глядя его холодеющую руку. Но его тело вдруг дернулось и застыло, широко открытые глаза, не мигая, смотрели в темнеющее вечернее небо, а на измученном болью лице застыла светлая улыбка.

Закрыв ладонью его глаза, Мария отошла в сторону. Над нею темнело августовское ночное небо, усыпанное яркими звездами. Бой вдалеке затих и лес молчал. Ночную почти мирную тишину нарушал лишь легкий звон невидимых в темноте цикад. Мария, еле сдерживая подступившие к горлу рыдания, пошла на ощупь по знакомой тропинке, и, выйдя на опушку, встала, прижавшись спиной к морщинистому стволу развесистой старой березы. Здесь можно поплакать и никто не услышит. Сквозь слезы она смотрела на свет ракет, взлетающих в темное небо и освещавших временами лес. А может быть, это падают звезды, и само небо, плачет вместе с нею, роняя на землю лиловые слезы и скорбя о чьей-то оборвавшейся жизни.

Ветерок, дохнув ночной прохладой, прошелестел листвой, приятно обдувая мокрое от слез лицо. Он принес знакомые с детства запахи уходящего лета. Будто и не было проклятой войны. Такое же небо было и над ее родной деревней и запахи те же самые. Мария всегда считала себя атеисткой, но эту августовскую ночь вдруг всплыли в памяти обрывки фраз знакомых с детства молитв, которые читала мать. Мария вытащила из-за пазухи крестик и стала его целовать.

– Господи, упокой его душу в царстве своем небесном, – вспомнила она юное, почти детское лицо лейтенанта. – Спаси меня грешную рабу твою. Помогни мне вернуться домой, увидеть мамку, тятю, Наташку, коку Фаю, – шептала она простые, идущие из глубины души слова молитвы, и слезы текли по щекам, смягчая сердце. Вдруг чьи-то сильные руки обняли ее за плечи. Она испуганно отшатнулась и, обернувшись, увидела лицо Николая, белеющее пятном в полумраке.

Эту августовскую ночь она не забудет уже никогда. Ласковые прикосновения его тонких, длинных, но таких сильных пальцев. Сухие горячие губы, целующие каждый сантиметр ее молодого, гибкого тела, истомленного долгим ожиданием любви. Легкая боль, дрожь и сладкая истома, пробежавшая волной, захлестнувшей всю ее и лишившей на мгновение дыхания.

Так Мария стала походно-полевой женой или ППЖ, как брезгливо называли военнослужащих женского пола, даривших свою любовь на войне солдатам и офицерам. Вскоре Мария поняла, что беременна. Она старалась как можно дольше скрывать свою тайну.

История фронтовой любви, как правило, была короткой – если не смерть, то разлука во время или после войны. Будучи беременной, Мария несколько месяцев продолжала работать в госпитале, так как до середины 1944 года в Красной армии беременным женщинам не предоставлялось никаких официальных льгот при исполнении обязанностей. Но, в конце

концов, все закончилось ее отправкой в тыл, что на языке военной канцелярии называлось «поездка по приказу 009». Рожать Мария приехала домой, в родную деревню Судилово и сразу же после родов вынуждена была вернуться на службу, но уже в другой – эвакуационный госпиталь, продолжив работать в нем до окончания войны. Свою новорожденную дочь Мария оставила на воспитание маме Анне Макаровне.

В 1945 году она была представлена к государственной награде СССР – медали «За боевые заслуги». В наградном листе от 13.05.1945 г. было написано: «За три года работы в госпитале 1318 показала себя отличной работницей по гипсованию. Наложила тысячи гипсов и лонгет высокого качества. Внимательная к раненым. Заботлива в отношении экономии перевязочного материала и гипса. Сэкономила тысячи бинтов, прибегая к многократной их стирке и рационально накладывает гипсы. Достоянна к награждению медалью „За боевые заслуги“. Начальник госпиталя 1318 майор м/с (подпись) (Быков)».

Медаль Мария спрятала подальше от посторонних глаз и, демобилизовавшись после Победы из армии, решила в родную деревню не возвращаться. Она стыдилась своего фронтowego прошлого, статуса ППЖ и внебрачного ребенка. Мария представляла, как будут судачить у колодца острые на язык деревенские бабы: «Знаем мы, чем они там занимались! наших мужиков молодыми пиз... ми завлекали. Сучки военные!». Она думала, как будет переживать мать и с укоризной смотреть на нее; как будут смеяться над сестренкой Наташкой деревенские парни. Чего доброго еще и ворота дегтем вымажут.

– Страна большая, – думала Мария, – начну все сначала. Поеду на какую-нибудь стройку, а когда устроюсь, заберу дочку. Но быстро летели годы, а Мария так и не отыскала свое женское счастье, переезжая с одной народной стройки на другую.

– Ах, война, что же ты, подлая наделала, – так думала Мария, уезжая все дальше и дальше от городка, в котором осталась в детском доме ее дочка.

Бархатный альбом

На фото в нижнем ряду Люся (4 класс, 11 лет) первая слева.
Базовая школа. Учителя: Александра Ивановна
Александрова и Клавдия Михайловна Иванова.
4 июня 1954 г.

Новости и слухи в детдоме распространяются быстро.

– К Люське Леншиной мать приехала, – с порога заявил, запыхавшийся и розовый от быстрого бега Вовка Шапкин. Все девчонки, как зачарованные, уставились на него широко распахнутыми глазами. Некоторые удивленно приоткрыли рты. Все были буквально потрясены и застыли в немом изумлении. В мастерской воцарилась гробовая тишина. Вовку распирало от гордости и собственной значимости, ведь он первый принес эту неожиданную новость девчонкам. Через минуту молчание было прервано, и на паренька обрушился шквал вопросов.

- А ты-то откуда узнал?
- А может и не мать вовсе?
- А ты ее сам-то видел?
- Какая она? Ты с нею говорил?

Вовка, приняв многозначительный и важный вид, принялся рассказывать, как он познакомился с «Люскиной мамкой».

– Она по коридору шла и спросила у меня, где тут кабинет директора. Ну, я ее и отвел к Снежной королеве. А пока шли, я спросил ее, к кому она приехала. Она сказала, что Люськина мать, что к Люське приехала.

- А она что ли за ней приехала?
- Она ее что, забирать будет?
- А я почему знаю, она мне не сказала.

– Эх, ты, олух, не мог спросить-то что ли?! – раздраженно заявила самая старшая из присутствующих Алка Никитина.

– Сама ты, Алка, дура, – бойко возразил Вовка.

– Да ну тебя, иди уже отсюда, балабола.

Идя по коридору, Люся услышала шум голосов, доносившихся из-за закрытой двери. Неожиданно та распахнулась, и несколько девичьих рук вытолкали в коридор взлохмаченного паренька. Тот ухватился за дверную ручку и принялся с силой тянуть ее на себя, но с другой стороны чьи-то сильные руки ее крепко удерживали.

– Дуры вы благие, – кричал Вовка, пиная ногой дверь. Увидев Люсю, он молча уставился на нее и, забарабанив кулаком по двери, закричал. – Открой, Алка, Люська пришла.

Дверь отворилась, и Люся вошла в комнату, обнимая обеими руками большой бумажный сверток, перевязанный крест-накрест бечевкой. В комнате сразу же воцарилась тишина. Девчонки вернулись на свои места за столом и молча, выжидаяюще уставились кто на нее, а кто на сверток. Люся положила материн гостинец на стол и, стараясь ни на кого не глядеть, села на свое место, уставившись в одну точку. Девчонки, переглянувшись, нехотя продолжили заниматься рукоделием. Вдруг Люся уронила голову на стол, закрыв лицо руками, ее худенькие плечи мелко затряслись в беззвучном плаче. Сидевшая рядом Алка, искренне разделила горечь подруги.

– Что ты... не плачь... не надо плакать, – тихо говорила она, обнимая девочку за вздрагивающие плечи.

К ней присоединились другие девчонки. Окружив Люсю, они на все лады принялись ее успокаивать.

– Она уехала... Она больше не приедет, – всхлипывала Люся.

– Да чего ты, Люсь, не реви.

– Она вернется, вот увидишь. Все хорошо будет.

На девочку начала успокаивающе действовать спокойная мягкость их голосов, несокрушимая вера в жизнь, ясно ощутимое, жаркое сочувствие.

– Ой, ладно! Хватит вам ее жалеть, – вдруг со злобными нотками в голосе заговорила Ритка Курьерова. – Чего нюни-то распустила? Ты вот сегодня свою мать увидела. Знаешь теперь, какая она, что она есть у тебя. А я? Я вот никогда не узнаю, кто я такая. Кто моя мамка и где она? Жива или нет?

Люсе стало стыдно своей слабости. Она вспомнила историю Риткиной судьбы и перестала плакать. Ритку нашла путевая обходчица, проверявшая железнодорожные пути. Маленький пищащий сверток лежал на железнодорожной насыпи. Кто и когда оставил новорожденного ребенка возле путей, узнать не удалось. Сотрудники приемника—распределителя, в который принесли найденыша, назвали девочку Маргаритой, в честь ее спасительницы-железнодорожницы. Придумали фамилию Курьерова, отражавшую особенность места, где она была найдена. В те годы по той самой железной дороге мчались с бешеной скоростью курьерские поезда, никогда не останавливавшиеся на маленькой станции, близ которой и нашли ребенка. Так Ритка получила «железнодорожную» фамилию. Точной даты своего рождения она не знала.

Вытерев ладошкой слезы, Люся принялась распаковывать сверток, который ей оставила мать. В пакетах из серой оберточной бумаги находились облитые сахарной глазурью пряники, галетное печенье и конфеты-подушечки, которые в народе назывались «голенькие», потому что их не заворачивали в фантики.

– Девочки, угощайтесь, это мамины гостинца, – щедро раздавала она пряники и конфетки подружкам.

А еще в свертке находился красивый альбом для фотографий, обтянутый малиновым бархатом. На внутренней стороне обложки размещалась надпись, сделанная рукой матери:

«На добрую память Людмиле от мамы. Жди и помни меня. 30.04.1953 г.» Эта дата была днем рождения Люси, в этот день ей исполнилось 10 лет. По надписи, сделанной год назад, девочка поняла, что мама помнила этот день и готовилась к нему.

– Счастливая ты, Люська, у тебя мамка нашлась, – уже миролюбивым голосом, невнятно сказала Ритка, жуя тягучую карамель конфетки.

Люся, откусив добрый кусок пряника, улыбнулась, потому что вдруг поняла, что жизнь – прекрасная вещь и в ней есть много причин для улыбок.

– Девочки, а ведь все будет хорошо. Я точно знаю.

Люся еще долго верила в обещание мамы забрать ее из детского дома. Но шли годы, а та не приезжала. Став старше Люся перестала ждать мать и зля на нее не таила, а оправдала, пожалела и простила. Представляла, что на фронте мама была на передовой, вынося с поля боя раненых солдат, и получила тяжелую контузию.

Наклеивать фотокарточки в альбом, украшать его выстриженными из открыток розами стало для Люси любимым занятием. Она бережно хранила свой раритет в тумбочке, время от времени доставая его, разглядывая снимки и вспоминая недавние события своей жизни.

На лучших своих фотографиях Люся делала дарственные надписи: «Дорогой мамочке от Люси. Пусть скалы и горы сойдутся, пусть высохнет в море вода. Пусть солнце светить перестанет, но я не забуду тебя»; «На память дорогой и любимой мамочке от Люси. Пройдут очень долгие годы, с тобою не будет меня, но помни, что где-то далеко, осталась Людмила твоя. 8/IX-59 год». Люся надеялась, что когда-нибудь подарит альбом маме, и представляла, как они вместе будут разглядывать фотокарточки. Она будет рассказывать о важных событиях своей жизни, а мама будет слушать и гордиться, какая замечательная у нее дочь.

Бабка Анна

Иван Куликов. Пряхи. 1903 г.

Люся задумчиво смотрела на тихую реку и мысли в ее голове текли также плавно, как струйки воды, образовывавшие ее неторопливо текущий поток. Девушка продолжала сидеть, обхватив одно колено руками, медленно раскачивая другую ногу, опущенную в теплую прозрачную воду. Долго ли Люся сидела в таком положении, кто знает? Она не ощущала бег времени, потому что погрузилась в мамину судьбу, пытаясь найти разумное объяснение ее поведения.

Встреча с мамой казалась ей сейчас полузабытым сном, на фоне которого вдруг всплыл в памяти милый и родной образ бабушки. Слезы навернулись на глаза от мысли о скорой разлуке с ней. Вот-вот закончатся школьные экзамены, останется позади шумная детдомовская жизнь, родной и милый сердцу городок.

Детдомовские девчата решили попытать судьбу в областном центре – городе Горьком. Там на чулочной фабрике работала бабушкина двоюродная сестра тетя Катя. Она в своих письмах звала Люсю, обещала устроить ученицей в вязальный цех.

– Приезжай, Люсенька, зарплата хорошая, – писала тетя Катя, – общежитие дадут. Благоустроенное. А если одной страшно, то бери с собой девчонок. Вместе веселее.

Другая, незнакомая жизнь одновременно манила и пугала Люсю, казалась яркой и красивой, как в кинофильмах, но предчувствие разлуки с любимой бабушкой разрывало сердце на части. Люся протянула руку и нащупала за спиной ручку школьного клеенчатого портфеля. Она притянула его к себе, открыла блестящий на солнышке металлический замочек и вытащила из темного нутра малиновый бархатный альбом, то самый, который подарила ей когда-то мама. Она положила его на колени, бережно открыла и принялась перелистывать страницы.

На первой странице среди аккуратно наклеенных роз красовалась фотография с бабушкой.

Бабушка Анна Макаровна и Люся. Надпись на фото: «9 класс. Бабушке 65 лет. Мне 16 лет» 1959 г.

Люся рассмотрела морщинки, разбегающиеся лучиками вокруг добрых глаз, вспомнила узловатые, нагруженные тяжелой крестьянской работой руки. Она ощутила явственно прикосновение шершавой теплой ладони к своим волосам, и услышала ласковое «андел мой».

На следующей фотографии запечатлел приезжий фотограф деревенских ребятишек послевоенной поры. Люсе было тогда четыре года и жила она с бабушкой Анной в деревне Судилово. Кроме бабки Анны и дедки Гари у нее никого не было. Про маму Люся только слышала из разговоров бабушки и деда, но никогда ее не видела.

– Эх, Манька, Манька... непутевая. И где шлэндает²? Хоть бы написала што-пошто, – тяжело вздыхая, сетовала бабка Анна.

– Да ладно тебе, погоди, вот приедет, – успокаивал жену дед Гаря, подшивая прохудившийся валенок.

– Как же, жди. Хоть бы на дите приехала поглядеть, – отвечала бабушка, украдкой смахивая набежавшую слезу.

Люся слышала, о чем говорят взрослые, и ее распаленное бабушкиными сказками детское воображение рисовало невеселые картины: то маму удерживает в темном царстве страшный Кощей, то мама шла-шла с войны домой и заблудилась в лесу, полном чудес и самых таинственных явлений.

Люсины бабушка Анна Макаровна родилась в 1894 году и всю свою жизнь прожила в деревне Судилово. Люся любила слушать бабушкины рассказы о ее нелегком житье-бытье. Бабушкина семья была середняцкой, работающей, знающей всякие ремесла.

Невысокого росточка, ладная, с русой косой ниже пояса, Аннушка Окулова была скромницей и рукодельницей, горазда и прясть, и ткать, и вышивать. Мать ее хвалила соседкам:

² Шлэндает – шатается, слоняется.

Старшая сестра Анны Фаина Макаровна Манева
(в девичестве Окулова), с мужем Тихоном, начало XX в.

– Анютка-то у нас смирная, послушная. На всякое дело наряди – все сделает и словечка поперек не скажет.

– И рукодельна, и сбой хороша. Этакая девка – изо всего приходу, – хвалили Аннушку матери деревенских парней.

А как минула Аннушкина пятнадцатая весна, стала мать отпускать ее на «биседки». Осенними темными вечерами, когда окошки в избах засветятся уютно красненькими огоньками, собиралась деревенская молодежь у одинокой старухи Ульяны Федоровны, «откупив» ее избу за дрова, хлеб, крупу да несколько мотков пряжи.

Девыцы приходят с пряжами, прядут белое льняное волокно – кудёлю. Мать, отпускающая Аннушку на беседку, наказывала, сколь надо ниток напрясть. Аннушка вместе с другими девушками прилежно работает, стараясь выполнить урок³, а то, вдругобрядь⁴, не отпустит матушка на беседку. Девушки тихо разговаривают, заунывно и мирно поют протяжные песни. А когда наскучит, запоют песню-прибаутку:

Помогите, пособите
По пяти ниток напрясть.
Кто расчихается,
Того бить, колотить
По семи щелчков
С колотушечкой,
С побрякушечкой.⁵

А после песни все замолчат, а которая первая расхохочется, ту будут, шутя, веретенцем по спине бить—колотить. Станет весело всем. И снова за работу, и снова веретена шумят, вертятся по полу. И кошка на лавке дремлет, курлыкает.

Сама хозяйка избы тоже за пряхой сидит, прядет шерсть на сукно⁶. Кужель⁷ большой на прялке, опоясан платком. Сидит молча, брови нахмурила, да девки знают, что вовсе она и не сердита. Сейчас прибауткой иль шуткой какой потешит, а то и сказку—бывальщину расскажет. Все от души засмеются, а то и перепугаются.

Вдруг слышат в сенях шум – это робята идут на посиделки. Вошли в избу, шапки сняли, перекрестились на иконы:

– Здорово, живитё.

– Будьте, молодцы, при месте⁸, – ответили им девицы.

Робята примостились в углу у русской печки. Бабка Уля поглядывает на них строго.

– Прежде, бывало, у нас робята с делом приходили: кто лапти плетет, а кто обора⁹ к лаптям вьет. А нынче девки прядут, а они, глянь, сели на лучшее место и девок оттиснили. Смелы вы стали лишка¹⁰. А в наши то года робята в куте¹¹ сидели, в круг не смели выйти.

– Ты, баушка кака сердита, – отвечают парни.

– Не сердита она, а строгая, – защищают бабку Улю девчонки.

– Сердитой тот, кто дерется да неладно делает. Я здись в своей избе – свои дрова и лучины. И по летам я вам не ровня. Доживите до моих-от лет. Узнайте тода поди. А токо вы

³ Задание, полученное от матери.

⁴ В следующий раз.

⁵ Ганцовская, Н. С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е. В. Честнякова / Н. С. Ганцовская. / Кострома: Костромаиздат, 2007 г. – 225 с.: ил.

⁶ Плотная шерстяная ткань.

⁷ Вычесанный и перевязанный пучок льна, пеньки или шерсти, изготовленный для пряжи.

⁸ Проходите, присаживайтесь.

⁹ Витая веревка из лыка, которой обкручиваются онучи и прикрепляются к ноге лапти.

¹⁰ Очень.

¹¹ Кут – угол крестьянской избы, ближний к выходу.

похожи на порожнюю котомку. Мало накладено, мало видано, мало слыхано, мало пережито, – рассудила бабка Ульяна.

Замолкли все на минуту-другую.

– Ладно, баушка Ульяна. Лучше споем робятам по песенке, – сказала одна из девушек.

Опять запели они, а робята тихо сидят да подыгрывают на дудках, а сами только и ждут, когда устанут пряжи, когда захотят отдохнуть. Долгожданный час настал, и, положив возле прялок свои веретена, девушки весело пляшут с парнями. На беседках выбрал ее своей невестой деревенский парень Иван Григорьев. Всем он хорош: добрый, ласковый, работающий и лицом вышел. Только вот росточка Бог не дал. Так ведь и Аннушка не велика была. Однажды сказал ей Ванюшка:

– Маму пришлю к тебе свататься, ты пойдешь за меня замуж?

– Конешна пойду – ответила Аннушка, а сама зарделась как маков цвет.

Как-то вечером пришел жених с матерью и стали свататься. Родители Аннушки знали, что семья жениха живет в достатке, было у них и обилие скотины, и хлеба, и одежды, и посуды всякой достаточно. Да и у невесты приданое хорошее: подушки, стеганое одеяло да пуховая перина, рубахи вышитые, платки, пояса, полотенца узорные.

– Ну, сватья, ежели жених и невеста согласны, друг дружке помысле¹², то молиться богу и укладывать¹³, когда свадьбу делать, – говорила мать жениха – Олена Федоровна.

– Дак ведь не сватья мы еще, Олена Федоровна, – отвечал Аннушкин отец.

– Как так не сватья? Коли свататься приехали, – удивилась мать Ивана.

– Так как невеста решит, ишо не знаем, – вопросительно посмотрел на нее Макар Тимофеевич.

– Нашему жениху невеста помысле, – не отступала Олена Федоровна.

– Так надо и саму невесту спросить, – упорствовал Макар Тимофеевич.

Ушли родители за переборку¹⁴. Аннушка сидит на сундуке – ни жива, ни мертва.

– Анютка, посоветоваться. Мотри, мы с матерью тя не неволим. Как хошь сама, чтобы после не обижаться, – рассудил тятя.

– На нас не жаловаться опосля¹⁵, – сказала мать. – А эти сватья нам подходящи.

– Я согласна, – робея, ответила невеста.

– Ну, дай бог, святой час! Помолимся богу.

Через неделю, в следующее воскресенье тятя с мамой поехали смотреть дом жениха и остались довольны. Через две недели после сватовства собрались за праздничным столом родственники и гости в доме у невесты на «сговор». Тятя объявил о помолвке, и молодые рука об руку вышли к гостям.

Свадьбу сыграли в мясоед¹⁶, стол отсидели, надо жить. Стала Аннушка жить в доме свекра да свекрови. Но, недолго пожили молодые. Началась война. Призвали Ивана в армию по мобилизации 31 июля 1914 г. Для жителей уезда мобилизация была всеобщим горем. Из семей на войну уходили кормильцы, молодые и сильные мужчины, оставляя своих жен, малолетних детей и стариков. Ратная государева служба требовала от человека самых тяжелых жертв, вплоть до его жизни. Прекратилось в деревне веселье, тут и горе пошло, и то, и другое. И бедность пошла.

¹² Нравятся друг другу.

¹³ Решать.

¹⁴ Межкомнатная перегородка в одну доску, не доходящая до потолка.

¹⁵ Впоследствии, после.

¹⁶ Период, когда по церковному уставу разрешена мясная пища. Обычно это время после какого-либо поста.

Ушел муж Аннушки на войну. Рисуя себе лишения и опасности, которым он подвергался, она жалела о том, что не дала ему в свое время нужного счастья... Не понесла от него, не успела родить ему первенца. Постепенно чувство этого сожаления перешло в тоску. Чувствуя себя виноватой перед мужем и его родными, Аннушка бралась за любую мужицкую работу: сама пахала, сеяла, косила и сено в стога метала.

А в деревне, что ни день, то новые слухи: то о беспорядках в соседней волости, то о необычайных победах немцев, то о появлении шайки грабителей. Да и с фронта шли неприятные сообщения. Бабы-солдатки у колодца говорили о кончине мира.

– Эх, бабоньки, сѣдни слыхала я, Грунька Шарикова балаболила¹⁷, что кур да гусей порешила подчистую. Нарядов, мол, себе купила. Говорит: «Все равно конец всему¹⁸».

– Да разве ж можно так, вы своим-то разумом рассудите, бабы. В Княжую Пустынь надо ехать, помолиться на Святой горе.

И пошли бабы за двадцать верст¹⁹ в Княжую пустынь, где когда-то в стародавние времена был основан монастырь усердием местного помещика Фомы Даниловича Цизарева, ушедшего в монахи.

На богомолье. Начало XX в.

– Вот, бабоньки, охотился в этих местах лет сто назад помещиик Цизарев, да и набрел на икону Успения, – в полголоса рассказывала самая старшая из паломниц, Авдотья Коростелева, уже не раз побывавшая в святом месте. – Висела та икона на старой липе. Выросла липа высоко на горе над речкой Княжой. У Фомы Данилыча ноги были больные. Пал он ниц пред

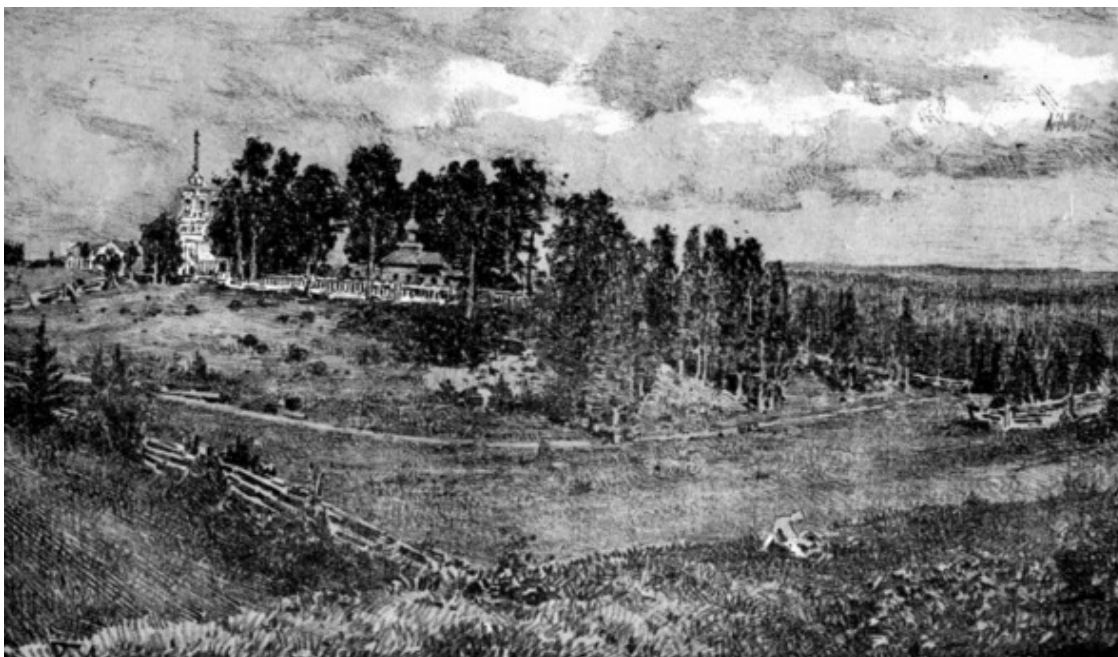
¹⁷ Балаболить – болтать.

¹⁸ Щербинин, П. П. Как жилось российской солдатке в годы Первой мировой войны (1914—1918 гг.) [Электронный ресурс] / П. П. Щербинин. — Киберленинка, 2004. — Режим доступа: https://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2013/12/2004_1_sherbinin.pdf

¹⁹ Русская мера длины, равная 1,06 км, применявшаяся до введения метрической системы.

иконой и, ну, молится. И вышла ему отлехта²⁰. Встал он на ноженьки, а те и не ноют, вся болесь прошла, как рукой сняло. И постригся он тогда в монахи под именемIZEKIYA и основал монастырь на месте явления Богородицы. Церкву деревянну на этом месте заложил. Успения Богородицы. А опосля, годков, эдак, через сто коло той церкви на самой большой высоте Святой горы вторую заложили – каменну.

Слушали паломницы²¹бывальщину, а сами шли, озираясь кругом, через непроходимый лес по чуть заметной тропке. Сумрачно под сводами исполинских елей, жутко. Иной раз на окрайке леса след косолапого²² или сохатого²³ встретится. Но вот, в глубине чащи заметила глазастая Аннушка маленькую иконку. Дальше еще одну. На ветвях деревьев висели белые лендочки²⁴-лоскутки, указывающие путь к Святой горе. Так, с Божьей помощью, добрались судиловские бабы-солдатки до святого места.

Общий вид Княжей пустыни.
Литография Г. А. Ладыженского.

Огляделись вокруг. На крутом, почти отвесном склоне лежат камни разной величины. Втащили их на эту гору богомольцы, приходящие в святое место свои грехи отмаливать. В логах, по склонам горы колодцы вырыты. Здесь протекают три ручья, которые в одном месте сливаются в один хрустальный поток, почитавшийся святым. Вода холодная, и впрямь непохожая на обычную.

Передохнули бабы самую малость, пришло и для них время собирать камни. Аннушка, как и ее спутницы, взяла большой, тяжелый холодный камень. Подоткнули бабы подола сарафанов, встали на коленки и, обдирая их в кровь, поползли, на гору. Ползли и молились, горячо молились Богородице о том, чтобы мужики живыми с войны пришли.

²⁰ Облегчение.

²¹ Паломник – богомолец, странствующий по т. н. святым местам.

²² Косолапый – медведь.

²³ Сохатый – лось.

²⁴ Ленда (диалектн.) – лента.

Шли годы, сменяли друг друга. Пролетело пять лет. Стали мужики с войны домой возвращаться. В один из июльских сенокосных дней 1919 года, после Петрова дня вернулся с войны Иван. Анна о ту пору копнила – сухое сено в копны складывала. Поле совсем близехонько от деревни. Девчонка из деревни прибежала, племянница Фанька. Запыхалась, кричит:

– Тетка Анна, твой мужик домой вернулся! Баушка Соломонида за тобой послала.

Грабли из рук выпали, стоит Анна, как будто приросла к земле. Очнулась, побежала до дому. У порога на минуту остановилась, перевести дыхание, да и боязно ей стало. Столько лет прошло. Из бочки деревянной, что под застрехой²⁵ стояла, набрала в пригоршню воды, в лицо плеснула остудиться чтоб. В избу вошла, дрожит как лист осиновый.

Увидал Иван Анну, и слезы на глаза навернулись. А та не смеет и подойти к нему. Сам подошел, обнял, расцеловал со щеки на щеку, вдохнул забытый за время войны запах ее разгоряченного, пропахшего травным ароматом родного тела, аж голова закружилась. При матери не стал в губы целовать, будет еще время. Пока баню истопили, стол накрыли, гости стали собираться. Не каждый день такое событие.

²⁵ Нижний, свисающий край крыши у избы.

На фото Иван Григорьев справа, первая четверть XX в.

После первых приветствий и благодарственной молитвы выставили на стол все, что есть лучшего в запасе: пироги с картошкой напекли, яшницу с салом, холодец с квасом, бражку да самогонку. Возвратившийся рассказывал, какие преодолел он трудности, каких избежал опасностей. С искренним участием все семейство и гости слушали рассказчика. Иван же старался скрыть малейшее обстоятельство, могущее дать невыгодное понятие об его твердости духа, решительности да смышленности. Знал наперед, что в противном случае он потеряет доброе о себе мнение. Говорил Иван с гостями, а сам все на Анну поглядывал, любовался. Гуляли до поздней ночи, плясали под гармошку. Бабы частушки с «картинками» пели, ровно на свадьбе.

У кого милой какой,
У меня мастеровой.
Сделал дочку в одну ночку
С кудреватой головой.

Спать легли в сенях²⁶, на деревянной кровати, накрытой ситцевым пологом²⁷ от назойливых комаров. Всю ноченьку целовал-миловал Иван свою венчанную жену. Утром еле добудилась свекровь свою сноху. Так и зажили счастливо, в любви и согласии. А через некоторое время почувствовала Анна неладное – «на рубаху» не пришло. Обычно месячные она переносила тяжело, с сильной болью. Порадовалась Аннушка, когда они прекратились, поняла, что затяжелела. Однако постоянная тошнота была немногим лучше.

Беременность Аннушки стала радостным событием не только для нее и ее родни, но и событием в деревне. Как только живот замечен стал, родня и соседи начали обсуждать «брюхатую», гадать, кто же родится. В многолюдной избе у Григорьевых стало тише, бабы старались не ссориться, а мужики перестали ругаться и сквернословить. А чего «забожит»²⁸ Аннушка, ей не было отказа. Старались чем-то вкусненьким побаловать.

– Анютка-то с лица располнела, живот широкой став, – строила догадки свекровь, – знать деуку принесет. Ну да ладно, первая пусть родится деука, нянькой будет. Разродилась бы токма²⁹, благословясь. Перестарок уж, двадцать пятой год ей нынча. Ты, Анютка, поменьше хватай, поотдохни-ко давай маленько, – наказывала свекровь работающей невестке, оберегая ту от тяжелой работы.

В последний месяц до родов у Аннушки начались сильные боли в спине. Свекровушка раза два в неделю сажала ее на печь и парила березовым духмяным веником округлившийся живот.

– Благослови Господи, – приговаривала свекровь, – дай благополучно разрешиться от бремени рабе твоей Анне.

За две недели до родов муж, стараясь, чтоб никто не узнал, огородами проводил Аннушку в родительский дом. «С брюхом ходить – смерть на вороту носить», – говорили в народе. Родные боялись, кабы не было от кого злого да завистливого сглаза, порчи или оговора.

Мать с отцом берегли дочку от всякой работы пуще глаза. Аннушка, оставаясь дома одна, думала, что да как будет? Роды были первыми и неизвестность страшила ее. Она горячо молилась, прося у Богородицы защиты для будущего дитя и легких родов у святой великомученицы Екатерины. 25 сентября ближе к вечеру начались первые схватки, стало тянуть внизу живота. Мать, услышав, как охнула Анютка, и, поняв, что пришло время родить, пошла за бабкой, которую в деревне прозвали Огафья-пупорезка. На улице потемки, дождь моросит, вокруг ни жуля³⁰, так что прятаться от дурного глаза Соломонида Ивановне не пришлось.

– Доброго здоровьица, баушка Огафья, – перекрестившись на иконы и кланяясь, с волнением в голосе сказала Соломонида Ивановна. – Зашла бы ты нашу корову посмотреть, а то обещалась, а не идешь.

Повитуха, поняв, зачем к ней о такую пору пришли, быстрехонько собралась, и вместе женщины заспешили, чавкая лаптями по раскисшей от дождя тропке. Рожать Аннушку увели в приготовленную накануне баню. Мать вымыла, выскоблила ее «до бела», тятя протопил без лишнего жару, одымил внутри полынью с бессмертником, чтобы роженице легче было дышать. Бабка Агафья, нашептывая молитвы, бережно разглаживала, разминала напрягшееся от мучительной боли Аннушкино тело, растирала его сметаной.

²⁶ Нежилое помещение между жилой частью дома и крыльцом в деревенских избах.

²⁷ Навес из холста или ситца, закрывающий кровать сверху и со всех сторон.

²⁸ Попросит.

²⁹ Только.

³⁰ Никого.

– Терпи, андел мой, гора крута обрывчива, дырка³¹ болька, забывчива, – приговаривала повитуха. – Вот уж и головка показалась, тужся, андел, тужся.

Вскоре раздался писк младенца.

– С дочкой тебя, Аннушка! – приговаривала старая Огафья, обмывая девочку. – Славная какая! Как назовешь-то?

– Марией, коли батюшка в церкви благословит, – улыбаясь пересохшими губами, ответила Анна.

– Ну, баушка Огафья, будем за тя³² бога молить, – благодарила повитуху мать. – Вот не побрезгуй, возьми за труды, – и совала в руки бабушке десять копеек да узелок с караваем хлеба и пирогом.

А в избе в это время места себе не находил Аннушкин муж. Несколько раз порывался он к жене, но сильные руки тестя усаживали его на лавку.

– Куды? А ну, годи! – успокаивал тесть. – Не место мужикам видеть, как бабские дела делаются.

Но вот дверь отворилась и в избу вошла теща с завернутым в одеяло младенцем.

– С дочерью тебя, зятенек! – сказала она, устало улыбаясь.

Анна, измученная родами, лежала вместе с новорожденной за переборкой, на кровати. В кути мать накрывала на стол, брякая посудой.

– Ну-ко, Иван, испробуй кашку, – протянула она зятю отдельную миску.

Иван загреб деревянной ложкой кашу, прожевав, поморщился – каша была сильно перченой и пересоленной, но он ел ее беспрекословно. Знал – таков обычай. Мужик должен понимать, каково горько и солоно пришлось его жене. А впереди были бессонные ночи с колыбельными, крестины, первый зубок, первая улыбка и первые несмелые дочкины шаги.

Через полтора года у Ивана и Анны родилась вторая дочь – Наталья. А через три года случилось страшное горе. Прибрал Господь Ивана, на делянке придавило лесиной. Осталась Анна вдовой с двумя детишками на руках. Сильно горевала она, но надо дальше жить и деток поднимать. На второй год вдовства посватался к ней Гавриил Елисеевич Некрасов, или, как звали его в деревне, дядя Гаря, бездетный вдовец, человек необычайно добрый, работающий и непьющий.

Гавриил Елисеевич был кузнецом-единоличником, работал, не покладая рук – на деревне без кузнеца прожить невозможно, особенно во время сева или уборки урожая. Если инвентарь в страду выйдет из строя, починить его сможет только кузнец. Несмотря на тяжелые условия труда, это ремесло давало семье возможность жить безбедно.

Чего только не изготавливал Гавриил Елисеевич: амбарные замки для дверей и ключи к ним, сельскохозяйственный инвентарь, подковы для лошадей и гвозди подковочные, предметы быта, рессоры для тарантасов (двуколок и четырехколок), ограды и калитки, козырьки над крыльцами. Его неказистая прокопченнная кузница стояла в стороне от жилых домов, и целыми днями доносился оттуда перестук кузнечных молотов. Жители деревни просыпались с зарей не только под мычание коров, которых пастухи гнали в стадо. Крестьян будил звонкий и чистый стук молота о наковальню, разносившийся из его кузницы. Гавриил Елисеевич полюбил детей Анны, а впоследствии и внучку Люсю, как родных. Так и зажили они в добре и согласии.

³¹ Вагина.

³² Тебя.

Сельская кузница. Фото XIX века³³.

В 30-х годах в деревне основали колхоз, который получил название «Родина». Пошли в него работать по великой нужде крестьяне, считавшиеся у местных властей бедняками и середняками. Были в деревне мужики-отходники, те, уехали на побочные заработки в город. Звали их в деревне «питерщиками». Были и зажиточные крестьяне, которых власти считали кулаками. Их вывезли из родной деревни под конвоем на телегах, а куда – одному Богу известно. Имуущество разделили между бедняками, а скотину забрали в колхоз. В одном из домов разместилась контора колхоза и сельсовет, в другом – деревенский клуб.

Бабушка неохотно вспоминала про те тяжелые годы. Но, бывало, нахлынут воспоминания, и начнет она рассказывать истории, которые внучке тогда казались выдумкой, так не вязалась жизнь бабушки с той, которую видела вокруг себя Люся. Зимними долгими вечерами пряла бабка Анна куделю и рассказывала:

– Из нашей деревни до войны угнали много мужиков. Сказывали, что они были кулаками, а потом уж и из коухозников, откуда ни возьмись, взялись враги народа.

Забирали самых работяшших крестьян, которые трудились много и жили справно. Токо лодырей не тронули. У нас Сухарниковы жили. Все с утра раннего на работу, а ихние мужики – на печь. Спят до обеда, на своих полях не работают. А работяшшые—то на своих полях с первым петухам вкальвают. Вот и получилось, што те, которы работали да наживали – кулаки, а те, которы лентяи – бидняки. Как это понять?! Я не знаю. И ведь люди ничего на то не говорили. Боялися!

³³ Чуканов, И. А. Летопись симбирского крестьянства. [Электронный ресурс] / И. А. Чуканов, В. Н. Кузнецов. Режим доступа: <http://els.ulspu.ru/Files/!ELS/disc/letop-simb-krest/13..html>

Прощай, родимый дом. 30-е годы XX в.

Она тягостно вздыхала, чесала кончиком веретена в ухе и продолжала:

– Те, у которых хозяйства у всех были добротные, их посчитали врагам народа. И таких семей у нас было много. Вот так мы работали и жили. Мужиков от нас отымали и угоняли непонятно куды и непонятно пошто. А мы, бабы, работали и за себя, и за мужиков. Слава Богу! Мово мужика не забрали на войну, броню дали как ковалю. Да ты гляди, не рассказывай никому про это. Я – дура стара говорю, чего не ведаю, – предупреждала бабушка внуку.

Вспоминала Анна Макаровна, как пошла работать дояркой на колхозную ферму:

– Ой, андел мой, фсю жись я тут-ка прожила. Со свякровушкой жила, как мужика—то моего, деда твоего, стало быть, в лесу придавило лесиной. Святкровушка померла, ей восимисят семь годков минуло. Вот пробор в волосьях, мотри, – показывала бабушка ниточку пробора в своих волосах. – Это она, сердешная, Царство ей небесное, светлое место, расплела мою девичью косыньку на—двоё, да бабью красу на меня надела. А дедко—то Гаря, он ко мне уж когда я овдовела, посватався.

А работала я сначала в поле, потом уж дояркой. Работали мы с коровами и днем, и ночью. Мы не токмо³⁴ доярили, но и сами сено косили, силосовали. Ой, и досталось нам!.. Три рас за день рукам доили, да по пятнадцать, а то и по двадцать коров. Подои-ко. Уйдешь с петухам и до обед. Да ишо напоить надо их, воды с речки натаскать на коромысле, подкормки надо накопить коровам—то. Начальница придет, проверит – не мало ли подкормки наложили, ишо и ногам примнет. Лошадку запряжешь и поедешь косить. Не то, что нынче доярки, сходят на два часа, как на прогулку. А домой придешь – своя скотина, корова да авечки. Всю жись токо работала да работала, ничего интыреснова в жизни не видала. Добра не нажила...

Денёг в коухозе тогда не платили, а записывали трудодни в книжку коухозника. Один трудодень – одна палочка в книжке.

³⁴ Не только.

The notebook shows two pages of handwritten work records. The left page is titled 'I. Выработка трудодней' and the right page is titled 'I. Выработка трудодней'. Both pages contain tables with columns for dates, types of work, and earnings. The handwriting is in Cyrillic and includes various entries related to agricultural labor and household tasks.

Дата	Вид работы	Сколько выработано трудодней	Сколько получено
30	подполье хлеба	5,0	1,50
	кузнецов хлеба	0,5	1,50
	Итого =	3,0	1,50
	Всего с начала года трудодней =	281	
1	выработка хлеба	1	1,50
4	заготовка дров	2	1,25
6	подполье хлеба	1	2,00
7	выработка хлеба	5	1,25
15	выработка хлеба	1	1,50

Книжка колхозника. 30-е годы XX в.

Я дояркой выработывала по 300 трудодней, этого мне хватало. А те, которые на поле спи-нушку гнули от зари до зари, ишшо³⁵ меньше получали трудодней—то. По сто может. Только-только по норме отчитывались. Да, не дай Бог, если меньше выполнишь, из коухоза исключат, усадьбу отымут и сенокос, а то и засудят. На трудодни давали хлеб да дрова. Да и те некол-кие, комли³⁶одне. Но только всего один год на трудодни нам дали вдосталь хлеба. А потом вообще ничево не давали. Задаром работали. Все, што выростили сдавали государству. Да зимами ишшо и лес заготовляли. Для кого эти заготовки мы делали, ня знаю. Сказали делать, мы и делали. Тогда лишнего люди не спрашивали. Опасно было вопросы—то задавать.

Вот и дедушко-то Гаря договорился на свою голову, андел ты мой. Все правды искал, да разве ее найдешь, правду—то? В 1932 году он вступив в коухоз. Его кузница вместе с инстру-ментом стала коухозной. А када война началась, и мобилизации на фронт проходили одна за другой, то дедку Гарю не брали, потому што у ево, как у кузнеца, была бронь. Вроде и войну пережили, да несчастливой видно я родивася. Вдругорядь овдовела. Ох, грешница я великая.

Перебирая в памяти рассказанные бабушкой истории, Люся вспомнила, как хоронили дедку Гарю. А случилось с ним вот что. В то время под сталинские репрессии попадали не только видные деятели науки и искусства, но и рядовые граждане. При Сталине политиче-ские аресты были нормой, причем очень часто дела были сфабрикованы и строились на ого-ворах и доносах, не имея под собой никаких других доказательств.

Как-то летом 1950 г. после тяжелого рабочего дня Гавриил Елисеевич с другими дере-венскими мужиками сидел на бревнышке под развесистыми тополями. Мужики, наломавши-еся за день кто в поле, кто в лесу, отдыхали в тенечке после трудов праведных. Гавриил Елисе-евич достал кисет с табаком, выращенным собственноручно, и принялся всех угощать. Вместо курительной бумаги он использовал газету, отрывая от нее кусочки. Мужики насыпали табак на кусочки газеты, сворачивая их, кто в трубочку-самокрутку, а кто и в «козью ножку». Заку-рив, они принялись нахваливать аромат табака, обсуждать, как лучше его выращивать. Гавриил Елисеевич похвастался своим изобретением – приспособлением для резки табачных листьев.

Один из мужиков, владевший грамотой, взял остаток газеты и принялся читать вслух. Речь в статье шла об укрупнении колхозов³⁷.

³⁵ Еще.

³⁶ Нижняя часть ствола, ближайшая к корню.

³⁷ Хисамудинова, Р. Р. Реализация идей Н. С. Хрущёва об укрупнении колхозов в 1950—1953 гг. (на материалах Урала). [Электронный ресурс] / Р. Р. Хисамудинова, 2013. — Режим доступа: <https://www.km.ru/referats/334779-realizatsiya-idei-n-s-khrushcheva-ob-ukrupnenii-kolkhozov-v-1950-1953-gg-na-materialakh-urala>

– «так как советское руководство видит в укрупнении мелких колхозов один из путей повышения эффективности сельскохозяйственного производства», – читал по слогам деревенский грамотей. Мужики принялись с жаром обсуждать прочитанное. Больше всех горячился Гавриил Елисеевич.

– Эх, не зря бают, прикажи дураку Богу молиться, так он и лоб расшибет, мрачно пошутил он. – Правление и то топерича в Тодине, вот и топай пешком за сто верст кисяля хлябать. Справку каку али печать, каково в таку даль мне старику ноги топтать? Не ближний свет! Хоть плачь!

Неподалеку от уважаемого собрания сидел мужичок из соседней деревни. Окрестили его в народе Паша Кудесник. Был он не такой как все: маленького росточка, сухонький, похожий на подростка. Личико кукольное с жидкой порослью на подбородке. Маленькие глазки смотрят пронизывающим взором, с какой-то тревожной пронизательностью. Поговаривали, что вырос он в дворянской семье, мать работала горничной и нагуляла его от барина. Кудесник сидел на бревне в сторонке, внимательно слушая общее собрание.

– Ты что же Елисеич, против укрупнения што ли? – странным бабьим голосом спросил он старика.

– Да на кой оно мне, – бесхитростно ответил тот. – Я так чую, одна всем насада³⁸ от нынешних порядков.

Вскоре разговор переключился на бытовые темы и об укрупнении позабыли.

Через неделю после деревенских посиделок под тополями кто-то сведущий и сердобольный предупредил деда Гарю о том, что на него «настучали» в «органы». Долго думал Гавриил Елисеевич, просидев всю ночь и не сомкнув глаз. Ареста ли он боялся или расстрела, а может быть переживал за жену и приемных детей, которых ждет участь стать «семьей врага народа»? Никто и никогда этого не узнает. Утром, ничего не сказав жене, он пошел в кузню и там повесился на горне.

Позднее разнесся по деревне слухок, что донес на него тот самый Паша Кудесник, который был якобы осведомителем органов МГБ³⁹.

³⁸ Мученье.

³⁹ МГБ – Министерство государственной безопасности СССР.

Лишний рот

Дети войны. Ребятишки из деревни Судилово.
Люся первая справа, 1947 г.

В этот трагический год, когда похоронили деда Гарю, Люсе исполнилось семь лет. Пришла пора собирать ее в школу. Анна Макаровна, только что оплакавшая смерть мужа, каждый вечер молилась Богородице и, тяжело вздыхая, шептала, с надеждой глядя на икону:

– Богородица! Матерь Божья, прошу тебя сердешно, помоги в моей нужде. Где ж денёг взять, штобы собрать робенка в школу? На трудодни-то нынче не разбежисься. Много ли я заработаю. Да и руки-то не дают доить. Гляди—ко што деется. Все пальцы перевело, крутит, ровно собаки грызут. На тебе, Владычице моя Богородице, возлагаю все упование мое.

Прежде чем ложиться спать, она доставала из голбца склянку с настойкой сабельника и принималась натирать ноющие суставы, после чего накладывала на больное место примочку.

Однажды, проснувшись рано утром, Люся увидела бабушку сидящей на расправленной кровати. Та тихонько постанывала, глядя отекившие и покрасневшие колени.

– Ох, ангелы мои! Бог—от наказыват, за что – не сказыват. Люсенька, андел, – сдерживая стон, обратилась Анна Макаровна к внучке, – беги за фелшаром. Да зайди к тетке Нюре Паунинской, пусть придет корову подоить. Скажи, мол, бабка захворала.

После полудня в избу вошел, высокого роста подтянутый мужчина, лет сорока пяти, с приятными чертами лица, согретыми доброй, славной улыбкой. Он шагнул за порог, низко нагнув под притолокой голову. Это был местный фельдшер Степан Константинович Хохулин.

В деревне фельдшер первый человек. Отношение к нему самое доброжелательное. Уважают фельдшера как никого другого. На каждом застолье сажают во главу стола, потчуют разносолами и предлагают лучшие блюда.

– Замечательный человек наш Стяпан Константиныч, – судачили, бывало, о нем у колодца деревенские бабы, – ему бы вся статья врачом быть.

– Баб, Степан Константиныч пришел, – сообщила Люся бабушке, лежавшей за переборкой на койке.

– Разболокайтесь⁴⁰, Стяпан Константиныч, – прошелестела чуть слышно Анна Макаровна. – Люсенька, андел, прими одежду-то.

– Не беспокойся, Макаровна, разберемся, – сказал фельдшер, и, посмотрев на Люсю, с лукавой усмешкой подмигнул ей.

Сняв брезентовый дождевик и кепку, он отдал их Люсе, а сам, вынув из нагрудного кармана пиджака расческу, принялся зачесывать со лба вверх темно-русые с проседью волосы. Он поставил на стол свой чемоданчик, достал оттуда белый халат и стетоскоп. Надев халат и вымыв под рукомойником руки, фельдшер принялся осматривать больную.

– Макаровна, не иначе у тебя ревматизм, надо бы в больницу ехать, на рентген. Снимок надо делать.

– Да Бог с тобой, батюшка Стяпан Константинович, какая мне больница, – испугалась бабушка, – робенка-то я на ково оставлю? Нет уж, ты сам меня полячи мало-мальски.

– Эх, Макаровна, подведешь ты меня под монастырь, – покачал головой фельдшер. – Знаю я одно проверенное народное средство. Люся, голубушка, – обратился он к девочке, – ступай-ка на конюшню. Скажи конюху, дяде Ване пусть тебе с полведерка навозу накладет. Скажи, мол, Степан Константинович велел. А ты, Макаровна, – обратился он к болящей, – навоз запаришь горячей водой в кадучке деревянной и держи ноги в теплом навозе. Так делай с неделю. А я поделаю тебе уколы.

И, действительно, уколы и народная медицина помогли поставить бабушку на ноги. Опухоль спала, и она снова стала ходить. Но, как говорится, пришла беда отворяя ворота. Из-за развивающейся катаракты перестал видеть один глаз, но Анна Макаровна гнала уныние прочь. Главное – собрать внучку в школу, а это, как оказалось, было нелегкой задачей. Вещи приходилось выменивать на местном базаре, расплачиваясь зерном, мукой или тем, что росло на огороде. Анна Макаровна с утра отправлялась на городской базар, неся продавать молоко, сметану или овощи да огородную зелень.

Постепенно она прикупила отрез коричневой шерсти на школьное платье, черного и белого сатина на фартуки. По вечерам, сидя за швейкой – приспособлением для ручного шитья, Анна Макаровна шила школьную форму, аккуратно прокладывая стежок за стежком.

В один из последних дней августа Анна Макаровна принесла на базар десять буханок свежеспеченного хлеба. За шесть буханок выменяла она у местного умельца деревянный чемоданчик, заменивший Люсе портфель. На оставшиеся от продажи хлеба деньги Анна Макаровна купила тетрадки, чернильницу—непроливайку, ручку с пером, карандаши и линейку в магазине канцтоваров.

Утром первого сентября Люся проснулась рано. Бабушка брякала подойником, гремела ухватами.

– Спи, ишшо рано, – сказала она.

Но Люсе не спалось. Она соскочила с койки и принялась ощупывать висевшую на спинке стула форму, раскрыла замок на чемоданчике, и, наверное, в сотый раз переложила содержимое на стол и обратно.

– Баб, а букет-то, – с плаксивыми нотками в голосе сказала Люся. – Как же без цветов-то.

– Ой, голова моя худая, – всплеснула руками бабушка, – погоду я щас. У Маньки Федотовой в палисаднике каких только нет.

⁴⁰ Раздевайтесь.

Бабушка хлопнула дверью и через полчаса вернулась с букетом вишневых георгинов вперемежку с бело—зелеными листьями садовой осоки. Анна Макаровна, гордая собой, вела внучку в первый класс.

– Не хуже, чем у людей, – думала она, умильно глядя на нарядную и счастливую Люсю. – Слава те, Господи! Благодарю тя, Царица Небесная, помогла Заступница ты наша.

В начале 50—х вернулась в Судилово из Ленинграда младшая дочь бабушки Анны Макаровны – Наталия.

На левом фото справа Наташа Григорьева (в замужестве – Сергун), сестра Марии Григорьевой, 1948 г.

Надпись на фото: «На память дорогим родителям папе и маме от дочери Наталии и ее подруг. Взгляните

и вспомните свою дочь, находящуюся далеко от вас.

Ленинград, 11/V—48 г. На фото справа — Анна Макаровна с внуками.

Приехала она не одна, а с мужем. Сергун Василий Кириллович был родом из Белоруссии. В Ленинграде он работал шофером на восстановительных работах, там и познакомился с Наталией. Приехав в Судилово, Василий быстро оценил обстановку и в колхоз работать за трудодни не пошел.

Местному леспромхозу требовались молодые, но опытные водители на лесовозы. Туда он и устроился шофёром.

Молодым дали небольшую квартиру в новом двухквартирном доме в поселке мелиораторов, расположенном в одном километре от райцентра. Вскоре у четы родились дети: дочка Галя и сын Коля.

Народное гуляние «Проводы русской зимы».
Сергун Иван (слева), дядя Боря Беляев (по центру)
и Сергун Василий крайний справа. 60-е гг. XX в.

Анна Макаровна в силу возраста и здоровья уже не работала в колхозе. Пенсию от государства ей не платили, как впрочем, и другим колхозникам. Продав за бесценок свой дом в деревне, она переехала жить в дом к Наталии и Василию, где в закутке за печкой им с Люсей выделили уголок. Там поместилась кровать и кованный сундук – все бабушкино имущество. Чтобы не быть иждивенкой в доме зятя, Анна Макаровна принялась нянчиться с детьми Сергунов – Галей и Колей. Мариина дочка Люся в новой семье стала «лишним ртом».

Нрава Василий был крутого, возражений не терпел. Как-то однажды слово за слово разгорелся в семье скандал. Зять упрекал Анну Макаровну за то, что балует Люсю, ограждает ее от хозяйственных хлопот.

– Ничего не делает, только жрет, – кричал на бабушку Василий. – Да у меня и без нее на шее висят четверо иждивенцев.

Сергун принял безжалостное решение отдать девочку в детский дом—интернат. Анна Макаровна украдкой плакала, но что тут можно было сделать, ведь сама была приживалкой в доме зятя.

Наталья и Анна Макаровна собрали документы и отдали заявление в РОНО. Так Люся в возрасте 10 лет от роду оказалась в детском доме-интернате. Шел 1953 год.

В детдоме

Бывшая богадельня купца Звонова. В 50-х-70-х гг. — детский дом-интернат.

Прежде чем переходить к повествованию о годах жизни Люси Леншиной в детском доме-интернате, необходимо для полноты картины привести некоторые исторические факты из жизни страны того времени и людей, ее населявших.

5-го марта 1953 года умер И. В. Сталин, и с его смертью началась новая эпоха в жизни государства. Н. С. Хрущеву с группой высших руководителей удалось вырвать власть из рук Берии. Он был арестован, осужден и расстрелян. В сентябре 1953 г. Хрущева избрали первым секретарем ЦК КПСС.

Хрущев, став главой партии и руководителем правительства, сконцентрировал в своих руках всю полноту власти. Курс социальных и политических реформ получил гарантию продолжения.

Была прекращена подготовка к процессам над «врагами народа». Ликвидирован ГУЛАГ. МГБ переименован в Комитет государственной безопасности при Совмине СССР. Началась реабилитация жертв репрессий, пересмотрено 16 тысяч дел. За фальсификацию преданы суду некоторые руководители органов безопасности. В печати началась критика политики Сталина.

На 20—м Съезде КПСС в феврале 1956 г. Хрущев выступил с докладом «О культе личности и его последствиях». В нем содержались сведения о массовых репрессиях 30—40 гг. Их причины связывались с отступлениями от марксистского понимания роли личности в истории и с амбициозным характером Сталина.

Важным событием в истории страны стал 22-й Съезд КПСС, на котором было продолжено развенчание культа личности Сталина. Тело «вождя народов» вынесли из мавзолея, переименовали города, убрали памятники⁴¹. Начался период, который историки называли «хрущевская оттепель».

⁴¹ Политическая жизнь 50-60-х годов. [Электронный ресурс] / История России кратко. Режим доступа: <http://historynotes.ru/politicheskaya-zhizn-v-50-60-godov/>

Русский народ остер на язык и, как говорить, за словом в карман не полезет. Вот и сочинили тогда деревенские жители острые, с «перцем» частушки:

Берия, Берия
Не оказал доверия,
А товарищ Маленков
Надавал ему пинков.

Все случилось шито-крыто.
Стал вождем Хрущев Никита.
Сталин гнал нас на войну,
А Хрущев – на целину.

В 1956 году в СССР была проведена пенсионная реформа, которая полностью отвечала интересам трудящихся, и размеры выплат для горожан, рабочих и служащих были значительно повышены⁴². Кроме того, впервые ввели пенсии для колхозников, правда, они рассчитывались по отдельной системе и были ниже, чем у других работников. Бабушка Люси – Анна Макаровна так же стала получать пенсию, правда небольшую – 12 рублей в месяц. Для сравнения – студенческая стипендия составляла 35 рублей.

Сидя на мостках, Люся разглядывала фотографии, сделанные детдомовским фотографом, и вспоминала свои первые дни, проведенные в детдоме. В комнате, куда ее привел воспитатель, размещалось шесть коек. Девочки—соседки настороженно смотрели на Люсю – кто такая? Непросто было привыкнуть к распорядку: подъем, зарядка, дежурство по комнате, завтрак, обед, ужин – все по расписанию. Но время шло, и Люся привыкла к новым соседям и требованиям общежития. Жизнь в детдоме бурлила как в муравейнике. Учеба в школе, домашние задания, кружки и секции – все это не оставляло времени на скуку. Бабушка иногда навещала внучку и приносила деревенских гостинцев. А по выходным дням Люсю отпускали в деревню с ночевкой.

Люся с грустной улыбкой смотрела на маленькую черно-белую фотографию. Здесь ей десять лет. Навсегда Люсе запомнился этот весенний день и то, как их принимали в пионеры. В один из апрельских дней школьники 4-х классов строем пошли на центральную площадь города, к памятнику Владимиру Ильичу, возле которого они произнесли торжественную клятву «...жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин...». День был по-весеннему солнечный, мальчишки и девчонки стояли в белых рубашках, а комсомольцы повязывали им красные галстуки. Когда торжественная линейка закончилась, мамы городских детей подбежали к ним, стали поздравлять, целовать и заботливо надевать на них пальтишки. Детдомовцев строем повели в Детский дом. Люся вспомнила, как придя в свою комнату, она разрыдалась. Ей так хотелось, чтобы мама в этот праздничный день была рядом.

С другой фотографии смотрели, улыбаясь, члены Детского Совета, созданного в детдоме в помощь воспитателям.

⁴² Войтко, А. Советские пенсии. [Электронный ресурс] / А. Войтко. — dislife, 2013. Режим доступа: <https://dislife.ru/articles/view/27213>

Детский Совет Кологривского детского дома. Директор детского дома Гончарова Анна Дмитриевна, Люся слева от нее 1956 г.

При Детском Совете работали комиссии: учебная, хозяйственно—бытовая, санитарная, культурно-массовая, физкультурно—спортивная и др. Ребята—активисты организовывали массовые мероприятия, работу пионерской дружины, носившей имя героя—молодогвардейца Олега Кошевого, конкретные мероприятия по предупреждению неуспеваемости и преодолению второгодничества. Люся была заводилой по сбору макулатуры, золы, металлолома, а за красивые русые косы всегда получала роль Снегурочки на новогодней елке.

А вот фото, где она метает диск. Глядя на него, Люся вспоминала, с каким упорством она сдавала нормы БГТО, как тренировалась на городском стадионе под руководством тренера Мозерина Леонида Ивановича, как поехала в областной центр на зональные соревнования и заняла там 1-е место, метнув диск с результатом 23 м 78 см.

Люся Леншина в возрасте 15—ти лет —
метательница диска, 1959 г.

Люся Леншина со снопом чумизы (13 лет), 1956 г.

На фото надпись, сделанная рукою Людмилы: «6 класс, 56 год, выращивала чумизу».

Фотокарточка, где она стоит со снопом чумизы, была также отголоском 50-х годов, когда всю страну охватила «кукурузная лихорадка»⁴³. Люся вспомнила статью из журнала «Огонек», который она любила читать, приходя в читальный зал районной библиотеки. В 1955 году Н. С. Хрущев познакомился с американским фермером Росуэлом Гарстром, который рассказывал о роли кукурузы в сельском хозяйстве США и её преимуществах.

Впоследствии, во время поездки в США Хрущев имел возможность лично познакомиться с американской культурой выращивания кукурузы, которая по площади посевов и урожайности намного опережала традиционные для СССР зерновые культуры. Кроме того, кукуруза давала ценное промышленное сырьё, поэтому было решено переориентировать сельское хозяйство СССР на эту культуру. Планировалось за счёт расширения посевов кукурузы увеличить втрое темпы прироста крупного рогатого скота в 1959—1965 годах. Для продвижения культуры на север и восток были отправлены партийные делегаты.

Докатилась волна «кукурузного бума» и до их района, «накрыв» не только сельское хозяйство, но и школьные учреждения, в том числе и детский дом. Школьники под руководством учителей начали выращивать на пришкольном участке кукурузу и чумизу. Люся тоже занималась опытной работой. Молодая учительница Анна Васильевна, полная энтузиазма и свято верившая в правильность и истинность проводимой партией политики, объяснила, что чумиза наравне с кукурузой является уникальным злаковым растением, которое может прокормить всю страну.

– Ребята, представьте себе, что из зерен чумизы может быть приготовлена хорошая крупа, не уступающая по своим качествам пшеницу, – с восторгом в голосе рассуждала учительница. – Чумиза является прекрасной кормовой культурой, обеспечивающей получение питательного сена и зеленого корма, – убеждала она учеников. Вы можете внести свой вклад в развитие

⁴³ Кукурузная кампания. [Электронный ресурс] / Википедия, 2013. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кукурузная_кампания

благополучия нашего государства, в его процветание. Пусть каждый из вас спросит у себя: «А как я могу внести свой вклад в процветание своей страны?» Ответ прост – трудись! И твой труд на родной земле всегда будут ценить, тебя всегда будут уважать.

Вдохновленная рассказом учительницы, девочка все лето пропадала на опытном участке: полола, поливала, рыхлила землю и в результате вырастила хороший урожай чумизы, чем заслужила внимание не только руководства школы, но и средств массовой информации. Корреспондент местной газеты написал об успехах школьницы статью. Фотографию, где Люся держит сноп чумизы, даже опубликовали в областной газете.

А на этой фотке детдомовцы на сенокосе.

Воспитанники и сотрудники детского дома на сенокосе,
50-е гг. XX в. Справа А. И. Большаков, завхоз детского дома.

Какие счастливые у них лица, все беззаботно улыбаются. Старшие ребята и сотрудники сами заготавливали сено для скотины. В детском доме была своя конюшня и коровник. Люся в душе посетовала, что ее на этой фотке нет. Она в это время кашеварила возле костра, помогала детдомовской поварихе тете Вале готовить нехитрый обед. Девушка с теплотой в душе вспомнила, каким радостным был их коллективный труд, как пьянил запах высушенной на солнце травы и спелой земляники, как наслаждались они, разгоряченные и уставшие, вечерним купанием в речке после работы. Хохотали, брызгались, шутя, топили друг друга, чувствуя себя абсолютно счастливыми.

Люся улыбнулась, глядя на фотографию, где они с девочками исполняют танец «Березка». Она любила народные танцы, с их энергичными движениями и веселой музыкой, ей нравилось разучивать новые движения и танцевальные фигуры.

Танец «Березка». Люся Леншина (справа) в левой паре.

Сценические костюмы для танцев они шили сами под руководством воспитательницы Зои Ивановны. Девушки с удовольствием примеряли перед концертом красивые нарядные платья, юбочки, кофточки и туфельки, завивали щипцами волосы, перевоплощаясь то в задорных украинок с венками на головах, то в молдаванок, танцующих «Жок», то в русских красавиц в хороводе.

Но это только на сцене они чувствовали себя сказочными принцессами, а в будничной жизни детдомовки не имели возможности часто менять наряды, как это делали «домашние» девочки. А так хотелось! Сидя в кинотеатре, куда их водили по выходным дням, они с восторгом смотрели на жизнь ровесников, такую яркую, наполненную событиями и подвигами. Какие красивые актрисы играли в этих фильмах, как они были одеты!

Леночка Крылова из «Карнавальная ночь» потрясла всех детдомовских девчонок. Как хотелось на нее походить хоть чуточку. Платья девчонки научились шить, а вот с обувью были проблемы.

– Какие туфельки у нее. Каблук – шпилька... Стоят дорого, нечего и мечтать, – посетовала как-то самая модная из детдомовских девчонок Алка Никитина.

– Да ладно тебе, разнылась, – ответила, задорно улыбаясь, неугомонная Валька Большакова. – Подумаешь каблук. Сейчас и мы каблук себе сделаем. Подождите, девки, будут и у нас каблук.

Валька умчалась куда-то как вихрь и вскоре возвратилась с пригоршней деревянных катушек из-под ниток.

– Вот, девки, держите вам каблук.

Она принялась привязывать катушки шнурками от ботинок к своим растоптаным туфлям-лодочкам. Девчонки покатались от хохота и последовали Валькиному примеру.

Выйдя за ворота, девушки, сдерживая смех, с гордо поднятыми головами пошли по дощатому настилу тротуара. Катушки звонко цокали по доскам, а девушки старались идти так, чтобы не попасть самодельным каблуком в щель между досками и удержать равновесие.

Деревянные катушки вместо каблуков.

– Девки, никак на показ моды собрались? – беззлобно засмеялись им в след детдомовские парни, повиснув на заборе.

– Да, Дом моды открываем, летний сезон, – отвечали, не тушуясь, острые на язык детдомовки. – Вот, репетируем модный показ.

Горластая и острая на язык Валька запела, пытаясь выбить дробь «катушечными» каблуками:

Сошью кофточку по моде,
На груди два банта.
Никого любить не буду,
Только музыканта.

Катушки не выдержали, и самодельные каблуки подломились, а Валька чуть было не растянулась во весь рост, благо девчонки, дружно хохоча, вовремя подхватили ее под руки.

Люся думала о том, как быстро пролетело время. Остался позади последний школьный звонок и предэкзаменационные волнения. Скоро закончатся экзамены, она получит аттестат зрелости и начнется для нее самостоятельная, взрослая жизнь.

Последний школьный звонок в 10-м классе.
Люся Леншина (справа) и Янкова Аля, 24 мая 1960 г.

Что ждет ее там, куда так спокойно и упрямо несет свои воды река Унжа?

Но пора возвращаться в детдом и начать готовиться к экзамену по физике, которую она совсем не понимала. Другое дело литература или русский язык. Люся спрятала альбом в портфель, застегнула замочек, встала и, оправив платье, зашагала по нагретым солнцем доскам портомойки, оставляя мокрые следы. Она поднялась по обрывистому берегу наверх и с высоты обрыва еще раз посмотрела на реку.

Люся Леншина в возрасте 16-ти лет. Фото Л. Просековой, г. Кологрив. На фото надпись: «Леншина Людмила, занявшая 1-е место на зональных соревнованиях в городе Шарье в метании диска с результатом 23 м 78 см», 1959 г.

Ласточки-береговушки низко летали над водой, ловя мошек. В траве среди разнотравья неутомомно трещали кузнечики. Кучевые облака, похожие на диковинных животных, отражались в зеркале вод. Солнце, словно устав светить за день, уходило за горизонт, багровыми лучами окрашивая облака в причудливые цвета. Дневная жара стала спадать. Комары роились, предвещая ясные и погожие дни. На другом берегу на многие километры тянулся без конца и края лес, и не было поблизости никакого жилья.

– Хорошо-то как, – подумала девушка и, полная надежд на скорое счастье, зашагала туда, где кипела, волновалась и бурлила другая жизнь, полная забот и хлопот.

Юность комсомольская моя...

В цехе чулочно—носочной фабрики им. К. Цеткин в г. Горьком, 60-е гг. XX в.

Осталось позади детдомовское детство, учеба в школе, выпускной вечер. Девчонки попрощались с детским домом, который стал для них родным за эти годы. Им выдали чемоданчики с комплектом постельного белья, кой-какую одежду и отправили на автобусе до станции, откуда они на поезде и добрались до города Горького, бывшего в те годы областным центром.

В Горьком у бабушки Анны Макаровны жила родственница – двоюродная сестра Екатерина Алексеевна Голубева, которая согласилась приютить Люсю. Тетя Катя работала на чулочной фабрике, куда устроила она детдомовских девчонок. Но недолго пожила Люся в большом и шумном городе. Деревенскую девчонку пугало все – многолюдье, шумные улицы, отсутствие близких и родных людей, и Люся вернулась в Кологрив.

Дядька поворчал, но приютил, и работа быстро нашлась. Люсю пригласили в Кологривскую восьмилетнюю школу на должность старшей пионерской вожатой. Нужно было организовывать детей, проводить школьные утренники, собирать макулатуру, металлолом и золу. Веселую девушку с белозубой улыбкой дети полюбили.

Пройдут годы и однажды на улице Люсю, уже ставшую Людмилой Николаевной окликнула женщина:

– Люся, здравствуй, не узнаешь? – улыбаясь, спросила она. – Я – Татьяна Гладышева. Ты у нас в восьмилетней школе была пионервожатой, я прекрасно помню то время. Я училась во втором классе у Марии Алексеевны Урицкой. Напротив почты начальная школа была. Помню до сих пор твою лучезарную улыбку, и как мы девчонки восхищались твоей красотой!

Прошло два года, и в райком комсомола потребовалась активная комсомолка, умеющая работать с документами и организовывать досуг молодежи. Так как Люся быстро находила общий язык с людьми, была общительна, то ее пригласили поработать в отделе учета и поручить

чили организовать агитбригаду. Тут то и пригодилось то, чему научили в детдоме: актерское мастерство, пение и танцы.

Агитбригада ездила в колхозы Кологривского района, показывая концерты во время посевной и жатвы. Самодельные артисты могли выступать абсолютно в любом месте, им, как правило, не нужны были ни декорации, ни звукоусиливающая аппаратура.

– Агитбригада приехала! – радовались колхозники. Собирались все на кромке поля, сидели на травке, с удовольствием смотрели незатейливый концерт, и, взбодрившись, снова принимались за работу.

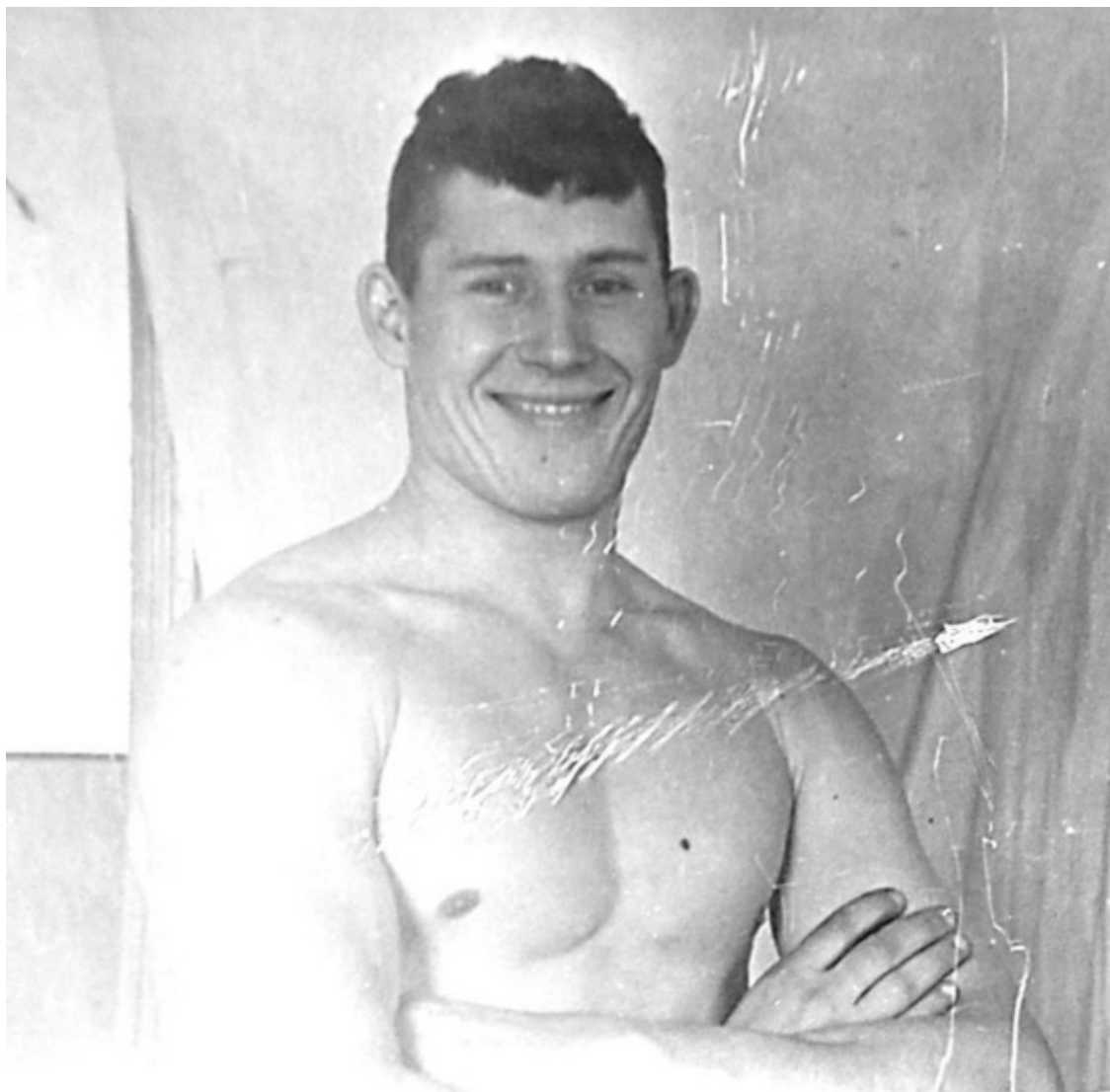
Людмила Леншина, участница агитбригады Кологривского дома культуры.

Агитбригада Кологривского дома культуры, 60—е гг. XX в.

По вечерам Людмила подрабатывала в доме культуры, на танцах «крутила пластинки». Конечно же, веселая, задорная девушка, будто сошедшая с экрана кино, привлекала внимание многочисленных поклонников. За право проводить ее после танцев домой шли сражения. Но Люсю отличала целомудренность, она была скромной девушкой. Назойливость мужского пола больше пугала, чем привлекала ее внимание.

Долгожданная любовь

Юрий Большаков, 1961 г.

Вскоре в Кологриве появился красавец-моряк. На молодого человека заглядывались все девчонки. Высокий, статный парень, на флоте служил, в Москве учился. Люся познакомилась с ним в райкоме комсомола. Он принес комсомольский билет и учетную карточку, чтобы встать на учет. Представился: «Юрий Большаков». Перекинулись парой ничего не значащих фраз, обменялись улыбками и все. Но Люсино воображение с той поры частенько рисовало образ парня. Нет-нет, да и всплывет в памяти его белозубая улыбка, темно-каштановые кудри.

В один из зимних воскресных вечеров он пришел в Дом культуры. Танцы только начались. Большинство девчат сидели на деревянных лавках, расставленных вдоль стен, перешептывались, украдкой поглядывая на ребят. Те стояли в сторонке, о чем-то оживленно разговаривали, смеялись, бросая наигранно-прохладные или оценивающие взгляды в сторону девчонок. Самые смелые из них подходили и приглашали понравившихся девушек потанцевать.

Юра вошел в зал, наклонив голову в низком дверном проеме, по привычке, как это обычно делают высокие люди, боясь стукнуться головой о притолоку. Одет он был просто и аккуратно, но по последнему слову столичной моды: нейлоновая белоснежная рубашка,

узкий галстук, отглаженные со стрелками брюки, начищенные до блеска туфли с узкими носами. Все головы невольно повернулись в его сторону.

– На улице мороз, а он в туфлях, – подумала Люся, оценивающе посмотрев на новичка.

В этот и все последующие вечера Юра не танцевал, а только смотрел на танцующих, стоя в сторонке, в окружении других парней. Они что-то говорили ему, ловя его взгляд, словно стараясь угодить. Он же будто не замечал этого и был прост в общении с ними. Юра оживленно говорил о чем-то, по-доброму улыбался спокойной приветливой улыбкой. Люся украдкой наблюдала за ним, ощущая его явное превосходство над другими.

Самые смелые и уверенные в себе девушки, стараясь привлечь внимание, проходили мимо него, некоторые вызывающе смеялись, одаривая откровенными взглядами. Он улыбался им в ответ. В такие моменты Люся чувствовала внутреннее напряжение, будто какой-то червячок начинал грызть ее изнутри.

Юрий Большаков, 1961 г.

– Разулыбался, – говорил раздраженный голос внутри нее.

И тут же словно включался второй собеседник:

– А тебе что за дело, он что – твой парень что ли? Пусть себе улыбается.

Она старалась не думать об этом, ставила любимую пластинку и кружилась в вихре вальса с очередным кавалером, благо в них не было недостатка.

Людмила Леншина, 1961 г.

Однажды закончив работу, Люся повесила замок на двери опустевшего дома культуры и пошла домой. К крайнему удивлению девушки никто не ждал ее у крыльца, чтобы, как обычно, проводить до дома. Люся подняла воротник пальто, свернула в калитку и, прибавив шагу, направилась домой.

Безлюдные ночные улочки освещали редкие фонари, свет от которых желтыми пятнами ложился на дорогу. Вот остался позади последний жилой дом с маленькими окнами, за которыми не горело ни огонька – его жители в этот поздний час безмятежно спали, чего зря электричество жечь. Они веками следовали золотому крестьянскому правилу: «Ложиться с курами – вставать с петухами».

Люся невольно замедлила шаги – перед ней высилась темная стена леса, за которой находился поселок. Среди засыпанных снегом вековых сосен петляла узкая натопанная тропинка, освещенная мягким лунным светом. Мачтовые сосны темнели, как молчаливые исполины, отбрасывая причудливые тени. С их темных крон падали и беззвучно кружились морозные остинки, искорками сверкая в свете луны. Ветер стих, и вокруг воцарилась глубокая тишина, нарушаемая только скрипом снега под Люсиными валенками.

Неожиданно девушка увидела в тени деревьев неясные очертания фигуры человека. Сердце сжалось от страха. Человек сделал шаг на встречу. Луна осветила лицо незнакомца. Люся пригляделась. Это был Юра Большаков.

– Не пугайтесь, Люся, – сказал он. – Я давно хочу с Вами познакомиться. Вот, узнал, где Вы живете, стою, жду. А Вы смелая девушка, через лес одна ходите, без охраны, – улыбнулся Юра.

Она, стараясь побороть смущение, ответила:

– Так я привыкла, каждое дерево тут знаю. С детства по этой тропке хожу.

Юре в этот момент почудилось, что в морозном воздухе вдруг повеяло тончайшим ароматом земляники. Он даже оглянулся, но вокруг лишь серебряный от луны снег.

– Можно Вас до дома проводить? – спросил Юра.

– Да, – откликнулась девушка, не зная как вести себя дальше.

Перелесок остался позади. Они шли вместе вдоль темной поселковой улицы, Юра что-то постоянно рассказывал, шутил. Люся смеялась, ей было хорошо, не смотря на отличие в их стиле: она – деревенская девчонка, он – парень из столицы.

Они остановились у дома, где жила девушка. Юра стоял напротив Люси, смотрел на неё особенным взглядом. Как и всякая девушка ее возраста, Люся втайне мечтала, что когда-нибудь на нее будут так смотреть.

– Ты знаешь, ты мне нравишься! – резко сказал он и наклонился, чтобы поцеловать ее.

Но Люся ловко вывернулась, уклонившись от поцелуя, и как юркая рыбка нырнула в калитку. Во дворе отрывисто залаяла собака, но узнав девушку, она завиляла хвостом, громыхнув цепью, забралась в будку и замолкла. Люся взбежала на крыльцо, остановилась, стараясь сдержать бившую ее дрожь.

– До завтра, – раздалось из-за калитки.

Послышался скрип снега и все стихло. Люся, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить строгого дядьку, потихоньку разделась и пробралась за печку, где они спали с бабушкой. Та прошептала чуть слышно:

– Молоко на столе и хлеб, поешь, андел.

Но Люсе было не до еды. Она нырнула в нагретую бабушкой постель, прижалась к ее теплему боку и стала осмысливать события прошедшего вечера. Но усталость взяла верх, и она уснула, счастливо улыбаясь во сне.

История вторая.

Юра

Мать и отец

Анна (25.01.1918 г.р.) и Алексей (21.02.1910 г.р.) Большаковы, 1936 г.

Юра возвращался в город по той лесной тропинке, где час назад они шли вдвоем, задевая склонившиеся под тяжестью снега ветки деревьев. От их случайных прикосновений снежные шапки срывались с веток, падали, шурша, задевая другие ветки, засыпая ее шарф и воротник. Девушка оборачивалась, доверчиво, по-детски смотрела на Юру и смеялась, стряхивая снежную пыль рукой, одетой в шерстяную варежку, и ее лицо сияло в серебристом свете луны.

– Да... Милая какая... Недотрога, – улыбнулся он и вспомнил, как долго и упорно пришлось отваживать всех ее «проводящих».

Жаль, что так некрасиво получилось с Толей Самохваловым. Неплохой парень. Толя за Люсей ходил, как говорится, по пятам. У них с Юрой состоялся мужской разговор, перешедший в драку. Юре не хотелось бить паренька, который был младше его и физически намного слабее, но тот не унимался, наскაკивая на Юру бойким петушком. Ну, и пришлось слегка поучить его уму-разуму. Две недели не ходил Толя на танцы из-за лилового синяка под глазом. Зато другим была наука. Быстро поняли, что к чему.

Подойдя к родительскому дому, Юра открыл калитку и подошел к крыльцу. Света в окнах не было, все давно спали. Он, обмахнул веником налипшие на валенки снежные обледенелые комочки, открыл дверь веранды, поднялся по деревянной скрипучей лесенке и вошел в темные сени. Стараясь не споткнуться, нащупал в темноте дверную ручку и с усилием открыл набухшую тяжелую дверь. Пытаясь не шуметь, он снял пальто, поставил валенки на печку, сунул сушиться в теплую печурку шерстяные, связанные матерью, перчатки и носки, на цыпочках прошел в свою комнату и включил настольную лампу.

Дом был деревенский, разделенный деревянными переборками на маленькие комнатки. Свет настольной лампы, пробивающийся сквозь щели в переборке, разбудил чутко спавшую мать. Слышно было, как она заворочалась на постели, встала, тихими шагами пошла на кухню и забрякала посудой.

– Иди, поешь, полуношник, – негромким голосом позвала она сына. – И где тебя только носит по ночам.

– Мам, не ворчи, – откусывая хороший кусок пирога, ответил Юра, – еще только одиннадцать часов.

Но мать не унималась.

– Мы – люди деревенские, рано ложимся, рано встаем. Надо печь топить, на двор, к скотине. И тебе на работу, и отцу. Да и вообще, пора бы и нагуляться тебе, Юрик. Уж двадцать седьмой год скоро, сынок. Пора бы и о женитьбе подумать. Хватит девок—то перебирать.

– Мам, не начинай, я тебя прошу.

– Молоком—то запивай, – ответила мать, пододвигая кружку и продолжая высказывать упреки. – Как не начинать, сынок. Вспомни Наталью Нестерову.

– Ой, мам, ну это когда было, еще в школе учился. Ну, чего ты старое ворошишь.

Но мать упорствовала.

– Как не ворошить. Ты вспомни, как переживала девушка. Сбил ее с панталыку, дурочку наивную да и бросил. А бабы говорили тогда, что она на аборт ходила. Мне счужа и то стыдно за нее было, да и за тебя тоже. Да и жалко ее. Красивая девушка была. Слава богу, уехала от стыда. А из Владивостока девушка Валя мне письма писала. Это как? Писала, как тебя любит, замуж за тебя собиралась.

– Мам, уймись, я прошу тебя. Я сам разберусь в своей жизни. Чего ты начинаешь каждый раз.

Из-за переборки послышался голос отца.

– Заканчивай, мать, прения, иди спать, вставать рано. Будет время на разговоры. Оставь ты его в покое. Сам уже мужик взрослый, разберется как-нибудь и без нас.

– Как же, жди, разберется. Тебе бы только спать. Поговорил бы с сыном. Чего у него на уме, – укладываясь в постель, ворчала мать.

Юре не спалось. В воображении вновь и вновь возникал образ девушки. Вроде ничего особенного. Обыкновенная деревенская девчонка. Не таких видел Юра, когда учился в Москве. Москва... давно ли он бродил по ее старинным переулкам и улицам, ездил в метро, ходил в театры и на выставки, бегал в кинотеатры с друзьями.

Он достал с книжной полки черный в кожаном переплете альбом и при свете настольной лампы принялся листать его, разглядывая фотокарточки. Ему хотелось вспомнить те годы, когда он был беззаботным мальчишкой, бегал в школу, получал нагоняи от матери за свои детские шалости.

Черный альбом завела мать, наклеивая в него в хронологическом порядке его детские фотографии, фотографии всех родных и близких. В нем же были вклеены и снимки, которые он присылал родным, когда будучи студентом, жил и учился в Москве.

Открыв первую страницу альбома, Юра увидел фотографию, на которой приезжий фотограф запечатлел его родителей в день их свадьбы. Алексей и Анна – молодые, красивые. Мать рассказывала, что познакомилась с будущим мужем, когда работала в столовой на станции Мантурово, что в 70—ти километрах от Кологрива. Ей в тот год только-только исполнилось восемнадцать лет. Алексей был шофером и заезжал в столовую вместе с другими ребятами обедать.

Высокий, широкоплечий, с русыми кудрями, он нравился Анне, и, в то же время, казался ей многое повидавшим человеком, который знает, что делает. Всегда гладко выбритое лицо, глаза, спокойные, холодные, светло-голубые, смотрели так, как смотрят на мир глаза человека, знающего жизнь. Немногословный, сдержанный, он был для нее олицетворением надежности, монолитом, разрушить который не под силу никому и ничему.

Родом Алексей был из деревни Хмелевки, расположенной в трех километрах от Кологрива, на противоположном берегу реки Унжи. Окончив семь классов школы, Алексей был призван на действительную военную службу. Для обучения молодых солдат водительскому мастерству в советской стране создавались специальные учебные роты, где каждый новобранец проходил курс подготовки по управлению и ремонту автомобильной техники. Алексей, попав в учебную роту, получил профессию шофера.

Вернувшись в отчий дом после службы в армии, Алексей отдыхал недолго. Старшие братья уехали из деревни и обосновались в Подмоскowie. В деревне в 30-е годы организовали колхоз, но Алексей видел, как тяжело приходится колхозникам жить на трудодни. Он решил уехать попытать счастья на станцию Мантурово. Станция в то время начала отстраиваться и постепенно превратилась в многолюдный рабочий поселок, отличавшийся от Кологрива выгодным географическим положением – пересечением трех транспортных потоков: железнодорожного, автомобильного и водного. Шоферы были нарасхват. Алексей устроился работать на «фанерник» – Мантуровский фанерный завод. Ему дали койко-место в шумном рабочем общежитии.

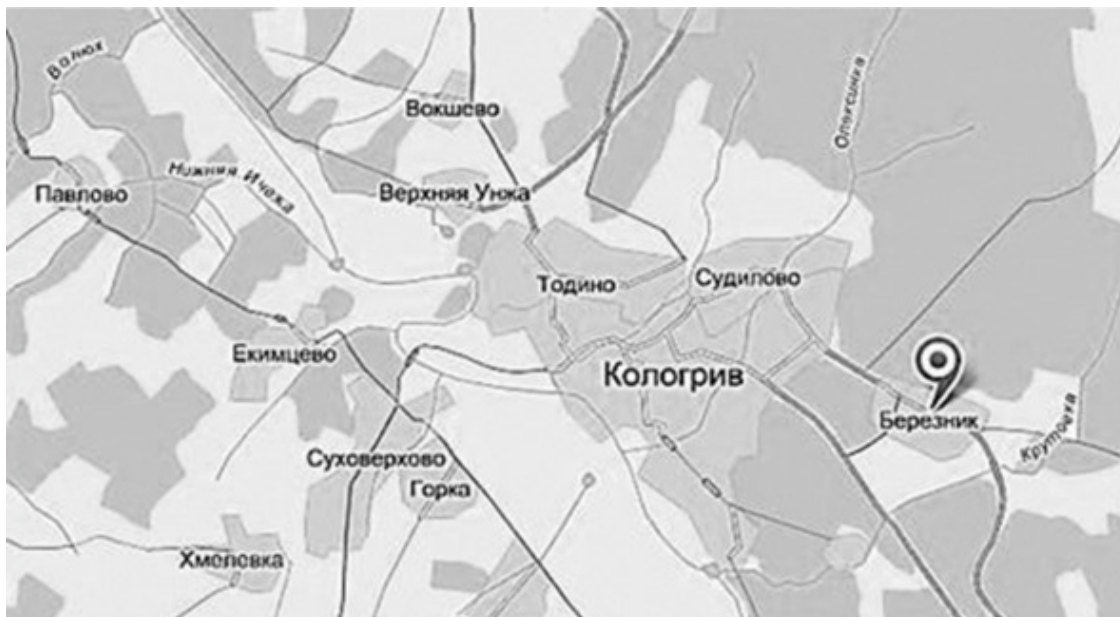
Обедали водители в столовой при железнодорожном вокзале, оставляя свои машины на разгрузке. Пока потные грузчики разгружали машину, перетаскивая листы фанеры в железнодорожный вагон, Алексей с другими водителями сидел в обеденном зале. Мужики, стуча ложками, громко хлебывая, уплетали горячий борщ, искоса поглядывая на молоденьких официанток и отпуская в их адрес сальные шуточки.

Нюра сразу же понравилась Алексею. Красивая, высокая, ладная, она отличалась своей скромностью и стыдливостью, никогда не отвечала на грубые шуточки и приставания. Подавала тарелки, ни на кого не глядя, опустив глаза. В поселке все друг друга более-менее знали. Алексей навел справки и узнал, что девушка была родом из деревни Крисовы Орического района Кировской области. Семья была многодетная: мать, отец и шестеро детей. Когда Нюра окончила 4-е класса школы, ее отдали в няньки в станционный поселок Брантовку. Девушка водилась с грудным ребенком директора молокозавода. Ребенок подрос, Нюре дали «отставку», поехала она в поисках работы на станцию Мантурово, где и устроилась официанткой в местную столовую.

Жила девушка на квартире у старой одинокой вдовы, та их и сосватала:

– Не глупи, Нюрка, выходи замуж. Алексей – парень видный, да еще и шофер! С ним не пропадешь, – увещевала она скромную девушку.

После недолгих размышлений Нюра дала согласие стать женой Алексея. Расписались они в мантуровском отделе ЗАГС. Молодую жену Алексей привез в родную деревню Хмелевку, познакомить с родителями – Большаковыми: Натальей Алексеевной и Иваном Капитоновичем.

Деревня Хмеловка на карте Колодривского района.

Большаки

Большакова Наталья Алексеевна (фото 1943 г.) и Большаков Иван Капитонович (фото 30-х гг. XX в), затем фотограф соединил эти фотографии и отретушировал.

Юра с детских лет пристрастился к чтению, читал много, запоем. Однажды, будучи школьником, он прочел повесть Лескова «Житие одной бабы». Именно эта книга и заставила его задуматься о происхождении своей родовой фамилии. Были в ней такие строки: «...сельские большаки, то есть этакие богатенькие мужички, что капиталец кой-какой имеют и свои маслобойни...». Он принялся расспрашивать мать и отца, кем были его бабушка и дедушка. Их на тот момент уже не было в живых. Но на стене в зале (так называли родители самую большую комнату в доме) висела в простой деревянной рамке их совместная фотография.

Бабушку Наталью Алексеевну Большакову Юра хорошо помнил, ведь она умерла совсем недавно, а вот дед Иван Капитонович ушел из жизни, когда Юре было всего четыре года. Юра приставал к родителям с вопросами о происхождении своих предков, но отец не любил вспоминать прошлое, а вот мать более охотно делилась своими воспоминаниями.

Анна Ивановна, сидя долгими зимними вечерами за рукоделием, рассказывала сыну об известных ей фактах истории семьи Большаковых. Родители Алексея – Иван Капитонович и Наталья Алексеевна Большаковы – потомственные крестьяне. Фамилию свою получили не потому, что были богатыми людьми, а потому, что прадед Капитон был старшим сыном в семье, то есть большаком. От прозвища Большак и пошла их фамилия. Всех его детей записали в Церковной Метрической книге как Большаковых.

По рассказам матери Юра восстановил некоторые фрагменты истории семьи Большаковых, начиная с коллективизации в 1927 году, когда в СССР осуществлялось объединение индивидуальных крестьянских хозяйств в колхозы – коллективные хозяйства.

Курс на всеобщую коллективизацию был взят на 15—м съезде ВКП (Б). Сплошная коллективизация началась в 1929 г. после опубликования в газете «Правда» статьи И. В. Сталина «Год великого перелома». Деревня стала главным источником доходов государства для вложения капиталов в промышленность. Основная форма объединения – колхозы. В них обобществлялись скот, земля, инвентарь. Нежелание крестьян вступать в колхозы решалось силой: конфисковывали имущество, запугивали людей, сажали под арест.

Мать рассказывала, что дед Иван Капитонович отличался строгостью нрава, был трудолюбив. Анна Ивановна вспоминала их рассказы о годах жизни в деревне тех лет. Когда до деревни докатилась волна перемен (20—30 гг. XX в.), его считали зажиточным или как тогда говорили «средняком». В колхоз идти он, как и многие крестьяне из их деревни, не захотел. Первыми активистами по раскулачиванию в деревне стали Куликовы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.